Максимилиан Безликий

Наблюдатель: Книга 1 Эффект Иного

18+

Наблюдатель

Максимилиан Безликий

Наблюдатель: Книга 1 Эффект Иного

«Автор»
2026

Безликий М.

Наблюдатель: Книга 1 Эффект Иного / М. Безликий — «Автор», 2026 — (Наблюдатель)

Сергей, бывший психолог и нынешний программист, очнувшись в незнакомом мире, обнаруживает вокруг себя эльфов, магию и загадочные леса. Здесь цивилизация угасает, а её обитатели даже не догадываются о природе своей силы. Чтобы остаться в живых, Сергею необходимы хладнокровие, осторожность и артефакт, найденный среди древних развалин — «Артефакт Единения». Однако артефакт действует по-своему, пробуждая в голове Сергея сознание инженера исчезнувшей расы, чей технологический уровень воспринимается местным населением как волшебство. Их союз становится уникальным симбиозом: логика выживания современника переплетается с холодным интеллектом пришельца из другого измерения. Но Сергей не единственный обладатель таких способностей — за ним охотится гоблин-шаман, долгие годы скрывавший аналогичные знания. Теперь задача героя не просто выжить, но разобраться...

© Безликий М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Предисловие от автора 5
Глава 1 Точка невозврата 6
Глава 2: Долина Скорби 17
Глава 3: Проколы реальности 26
Глава 4Спаситель поневоле 37
Глава 5 Шёпот из камня 46
Глава 6 Начало симбиоза 53
Глава 7 Планы и проколы 63
Конец ознакомительного фрагмента. 64

Наблюдатель: Книга 1 Эффект Иного

Предисловие от автора

Знаете, есть такая закономерность: чем больше читаешь, тем сильнее хочется критиковать. Я сам из таких читателей. Годами поглощал книги в жанре «попаданчество», наслаждался чужими мирами, чужими приключениями, чужими победами. А потом что-то щёлкнуло. Начал замечать штампы, предсказуемые ходы, героев, которые слишком быстро привыкают к магии, и эльфов, которые слишком похожи на людей с острыми ушами.

И, как это часто бывает, на моё ворчание кто-то ответил простой фразой: «Не нравится — напиши сам».

Я и написал.

Эта книга родилась не из желания создать шедевр и не из надежды перевернуть жанр. Она родилась из простого любопытства: а что, если попробовать? А что, если соединить всё, что я люблю в попаданчестве, но добавить чуть больше логики, чуть больше быта, чуть больше сомнений? Что, если герой будет не суперменом, а просто человеком с психологическим образованием и навыками программиста? Что, если эльфы будут не идеальными, а сложными? Что, если магия окажется технологией, а технологии — магией?

Я не избежал стандартных ходов. Наверное, это невозможно в жанре, который уже выработал свой язык и свои клише. Да, здесь есть попаданец. Есть эльфийки. Есть древние артефакты и загадочные цивилизации. Но мне было интересно писать. Интересно придумывать, как психолог будет выживать в мире без интернета. Интересно показывать, как технологии XXI века встречаются с магией. Интересно вплетать в сюжет вопросы памяти, идентичности, права на выбор.

И если хотя бы одному читателю станет так же интересно, как мне — значит, всё было не зря.

Эта книга — не манифест и не откровение. Это просто история. История о человеке, который попал не в тот мир, но нашёл в нём свой дом. О людях, которые оказались не теми, кем казались. О выборе, который мы делаем каждый день, даже не подозревая, что он может изменить всё.

Приятного чтения.

Глава 1 Точка невозврата

«Поезд дальше не идёт, просьба освободить вагоны».
(Объявление в метро)

Бывший психолог, пережив травму и сменив профессию, едет на новую работу, но попадает в аварию, выживает и оказывается в другом мире — там, где эльфы поют у ручьёв, а магия кажется забытой.

Сюжет 1: Контракт

Сергей стоял перед зеркалом в съемной однушке, поправляя воротник простой голубой рубашки. Двадцать пять лет. По меркам мира IT, он был еще молод, но в душе чувствовал себя этаким старым мудрецом. Может, сказывался психологический бэкграунд — умение слушать чужие драмы за два года магистратуры и полгода... чего-то там. Туман. Именно туман, а не четкие воспоминания, окружал тот период. Он помнил запах старого ковра в университетской клинике, скрипучие стулья, папки с делами. Но лица клиентов, конкретные случаи — сплошное белое пятно. Словно кто-то взял ластик и аккуратно стер детали, оставив лишь общее чувство тяжести и решения больше этим не заниматься.

Программирование было спасением. Четкость. Логика. If — then — else. Никаких неоднозначностей человеческих эмоций. Его новый работодатель, компания «Бастион Smart», производитель роскошных автодомов, искал как раз такого — усидчивого, внимательного к деталям код-монаха для тонкой настройки их флагманской ОС «Цитадель». Удаленка, соцпакет, зарплата выше рынка. Мечта.

Но для финального оформления и получения доступа к защищенным серверам требовался визит в головной офис. Вот почему он сейчас ехал на поезде в другой город.

Офис «Бастион Smart» встретил его стерильным блеском стекла и стали. Запахом дорогого кофе и свежего ламината. У ресепшена его уже ждала она — Ольга из отдела кадров.

— Сергей? Здравствуйте, я Ольга, проведу вас, — ее голос был таким же, как в телефонных разговорах: профессионально-доброжелательным, с легкой, едва уловимой хрипотцой. Она оказалась высокой блондинкой с собранными в строгий узел волосами, но пара непослушных прядей выбивалась на щеку. Улыбка — открытая, деловая. Но глаза... Глаза смотрели внимательно, оценивающе. Не как на нового сотрудника, а скорее как на интересную задачу.

— Рад познакомиться, — кивнул Сергей, чувствуя привычный легкий дискомфорт от близкого контакта. Он всегда был лучше с машинами.

По дороге в кабинет руководителя проекта Ольга, щелкая каблуками по глянцевому полу, освежила детали.

— Вы уникальный случай, Сергей. Психологическое образование и технический склад ума — именно это и искал наш отдел разработки «умных» систем. Ваша задача — не просто написать код, а сделать интерфейс и логику реакции автодома интуитивными, предсказующими стресс пользователя . Чтобы дом не просто выполнял команды, а... предвосхищал потребности в нештатной ситуации.

— Как искусственный интеллект? — уточнил Сергей.

— Нет, — она покачала головой, и та непослушная прядь качнулась. — Как хороший, очень внимательный дворецкий с доступом ко всем системам. Алгоритмы на основе поведенческих паттернов. Ваша психология здесь — ключ. Хотя наработки искусственного интеллекта

есть СОБРина но до его эксплуатации далеко он только подклинен в режиме обучения и сбора данных.

Сергея на секунду кольнуло. Паттерны . Да, он помнил, что изучал их как давно это было вроде недавно работал психологом...

Кабинет начальника отдела комплексной безопасности, полковника в отставке Ивана Сергеевича Крюкова, был другим миром. Никакого стекла. Массивный дубовый стол, карта региона на стене с цветными стикерами, запах старой кожи и кофе покрепче. Сам Крюков — мужчина под шестьдесят, с бычьей шеей и пронзительным взглядом — больше походил на командира спецназа, чем на IT-менеджера.

— Садитесь, — бросил он, не отрываясь от планшета. — Ольга говорила, вы наш «спец по головам». Ладно. Вот вам суровая правда. Ваши автодома — не просто игрушки для гламурных кочевников. Это мобильные командные пункты, убежища, транспортеры ценных грузов. Наш новый контракт с «ГеоСкан» — они исследуют удаленные районы, где связи нет, а медведи — не самое страшное. Ваша ОС должна гарантировать, что если что, дом станет неприступной крепостью. Понимаете?

Сергей кивнул, чувствуя, как ответственность давит на плечи тяжелее, чем он ожидал.

— Сегодня как раз отправляем партию на северный полигон в Архангельск, — Крюков ткнул пальцем в карту. — Три штуки. Почти готовые и еще дома фургоны тоже умные, но стационарные. Едут тем же поездом, что и вы. Совпадение? — Он хмыкнул. — Не думаю. Я хочу, чтобы вы увидели железо вживую, почувствовали масштаб. А заодно — ваш доступ-карта и токены для серверов. Их не доверяем курьерам. Ольга вас проводит на склад, получите оборудование, а потом — на вокзал.

Сюжет 2: Погрузка и тень прошлого

Складское помещение «Бастион Smart» поражало размерами. Здесь пахло смазкой, краской и холодным металлом. В полумраке, под лампами дневного света, стояли три белоснежных монолита на мощных шасси — автодома «Крепость». Они выглядели одновременно и как дом, и как броневик.

Ольга ловко орудовала сканером, проверяя серийные номера, пока грузчики закатывали в один из домов ящики с маркировкой «Лаборатория. Чувствительное оборудование. Сергей наблюдал, ощущая странный трепет. Это были не просто машины. Это были его будущие «пациенты». Их цифровые души ему предстояло лелеять и защищать.

— Страшно? — Ольга подошла к нему, сняв пиджак. В белой блузке она казалась еще более хрупкой на фоне этих стальных гигантов.

— Да, — честно ответил Сергей. — Масштаб... другой.

— Иван Сергеевич не зря вас направил сюда. Он считает, что хороший оружейник должен держать в руках то, что создает. Даже если оружие — это дом, — она улыбнулась, но в глазах снова промелькнула та самая оценка. — Кстати, я просматривала ваше дело. Три года в психологической лаборатории... и потом резкий уход в IT. Не жалеете?

Вопрос застал врасплох. Сергей почувствовал, как внутри все сжалось.

— Нет. Там... было много неоднозначного. Я предпочитаю четкие системы.

— Люди — нечеткие системы, — мягко заметила Ольга. — Но иногда именно их нелогичность — лучшая защита от предсказуемых угроз. Держите это в уме, когда будете писать свои алгоритмы.

Она протянула ему металлический кейс. — Ваши токены и карта. Без них вы не получите root-доступа к «Цитадели». Не теряйте. Это, — она понизила голос, — важнее, чем ваш паспорт.

Взгляд ее был серьезным. И в этот момент Сергею показалось, что он видит в ее глазах не просто интерес сотрудника ОК. Там было что-то еще. Любопытство? Озабоченность? Он не успел расшифровать.

— Спасибо, — сказал он, беря кейс. — Постараюсь не подвести.

На вокзале они попрощались уже как коллеги. Ольга пожала его руку тверже, чем он ожидал.

— Удачной поездки, Сергей. Ждем отчетов. И... будьте осторожны.

— В поезде-то? — улыбнулся он.

— Вообще, — она ответила загадочно и, развернувшись, пошла прочь, растворившись в толпе.

Сюжет 3: Сталь и вспышка

Поезд был современным, почти бесшумным. Сергей устроился у окна, кейс с токенами крепко зажав между ног и рюкзаком. За окном проплывали индустриальные пейзажи, сменяющиеся лесистыми холмами. Он думал об Ольге. Она была... интересной. Не в романтическом смысле — серьезные отношения как-то обходили его стороной, всегда находилось что-то более важное: учеба, переквалификация, работа. Он наблюдал за людьми, анализировал их, но держал дистанцию. Быть может, это и был побочный эффект того стертого полугодия — страх перед глубиной чужих (и своих?) эмоций.

Его вагон был предпоследним. Где-то впереди, в товарных секциях, грузчики «Бастион Smart» закрепляли его будущие «крепости». Мысль, что они едут вместе, в одном составе, была странно успокаивающей.

Он достал ноутбук, запустил тестовую среду «СОБРина», погрузился в строки кода. Мир сузился до светящегося экрана. Он проектировал алгоритм распознавания паники по голосу и частоте пульса (данные с умных часов), который должен был реагировать на пользователя автодома.

В тоннель поезд вошел ближе к полуночи. Свет в вагоне стал ровным, призрачным. За окном — кромешная тьма, прерываемая лишь ритмичными вспышками светильников на стенах.

И тут свет погас. Не как обычно, а будто его вырвали с корнем. Одновременно с этим наступила полнейшая тишина — заглох едва слышный гул двигателей. На долю секунды воцарилась абсолютная, вакуумная темнота и тишина.

А потом оно пришло.

Не грохот. Не удар. Это была ВСПЫШКА. Ослепительно-белая, заполнившая все пространство, пронзившая веки. Она не несла тепла — лишь абсолютную, всепоглощающую яркость. И вместе с ней — чувство падения . Не поезда с рельсов. Всего сущего. Провала в немыслимую, лишенную координат пустоту.

Сергей не успел закричать. Сознание сорвалось с якорей и унеслось в черный вихрь.

Сюжет 4: Пробуждение в тишине

...Он лежал на мягком ковре из вековых иголок. Воздух пьяняще чист и холоден. Вокруг — картина апокалиптического разгрома...

Часть 5: Код выживания

Сознание вернулось к Сергею не резко, а как поднимающийся со дна батискаф — медленно, преодолевая слои густой, черной мути. Сначала появился звук. Вернее, его полная, оглушительная *отсутствие*. Ни гуда поезда, ни скрежета металла, ни криков. Тишина была настолько абсолютной, что в ушах звенело.

Потом запах. Резкий, чистый, почти колючий аромат хвои, смешанный с едкой пылью и сладковатым, неприятным запахом тлеющей изоляции. Запах катастрофы и леса.

И только тогда — боль. Тупая, разлитая по всему телу, будто его хорошенько потрясли в гигантской коробке. Сергей застонал и попытался пошевелиться. Спина упиралась во что-то мягкое и пружинистое. Земля? Он открыл глаза.

Над ним было небо. Но не привычное городское, засвеченное рыжим светом фонарей, а глубокое, сине-фиолетовое, пронзительно чистое. Сквозь гигантские, темные пирамиды крон прорезались редкие, уже вечерние звезды. Они казались слишком яркими, слишком близкими.

Сергей с трудом поднялся на локти. Голова закружилась, в висках застучало. Он осмотрелся.

Он лежал на поляне, утопающей в толстом слое рыжей хвои. Вокруг, как кости доисторических чудовищ, были разбросаны обломки. Узнаваемый корпус товарного вагона, разорванный, как консервная банка. Ящики с маркировкой «Домко. Хрупкое. Электроника». И дальше, между деревьями, он увидел их.

Автодома. Три, нет, четыре корпуса, белые, с синей полосой по боку. Один лежал на боку, другой врезался в колоссальное дерево, третий, кажется, был почти цел. Они выглядели сюрреалистично — последний писк земного комфорта, брошенный в чащу этого невозможного, молчаливого леса.

Лес...

Сергей медленно встал, опираясь на ствол сосны. Кора была шершавой, живой. Он запрокинул голову. Деревья вздымались на невероятную высоту, их прямые, почти идеально ровные стволы терялись в темноте наверху. И они стояли... рядами. Нет, не как в питомнике, но ощущение упорядоченности было. Словно кто-то давным-давно рассадил их с гигантским циркулем, а потом природа добавила вековой мох, бурелом и этот вечный, гнетущий полумрак у земли.

«Где я?» — пронеслось в голове. Мысли путались. Поезд... Вспышка в тоннеле... Ощущение падения в бездну...

Он потрогал карман куртки. Ноутбук в рюкзаке за спиной чудом уцелел. Рюкзак был порван, но сам кейс казался целым. Мобильный — ни сети, ни геолокации. Только холодный экран с половиной заряда и значком «поиск сети».

Паника, холодная и липкая, начала подползать к горлу. Сергей, как его учили на том единственном курсе по экстремальной психологии (остаток его прошлой жизни?), сделал глубокий вдох, задержал дыхание, медленно выдохнул.

— Шаг за шагом, — прошептал он хрипло. — Сначала — оценка. Потом — ресурсы. Потом — план.

Ресурсы вокруг валялись в избытке. Но что толку от плазменного телевизора или кофемашины, если нет розетки? Нужно было найти укрытие. Сейчас. Свет стремительно угасал, и эта тишина начинала казаться зловещей.

Его взгляд упал на самый целый автодом, тот, что стоял почти ровно, лишь вдавив колесами мягкий грунт. «Домко. Модель «Крепость». Ирония судьбы. Он подошел. Дверь была заблокирована, но стандартная сервисная панель рядом с ней, прикрытая пластиковым лючком, казалась неповрежденной.

Пальцы сами вспомнили действия. Он отщелкнул лючок, подключил через USB-кабель свой ноутбук к диагностическому порту. Экран ноутбука вспыхнул, отражая его бледное, испачканное лицо. Он запустил служебную утилиту «ДомкоСкан». Программа пискнула, запросила пароль.

Сергей ввел стандартный для инженеров админ-код: **ADMIN_OVERRIDE_42**. Система задумалась на секунду, которая показалась вечностью, а затем на экране автодома внутри замигал мягкий синий свет, и на панели ноутбука пошел поток данных.

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ, СЕРГЕЙ. (Привилегии: ROOT-доступ)
Система «СОБРина» загружается.

Диагностика... Обнаружены незначительные повреждения кузова. Аккумуляторы: 87%. Водный резерв: полный. Генератор: в норме. Сеть: не обнаружена. Спутниковая связь: нет сигнала.

С легким шипящим звуком разблокировалась дверь. Сергей толкнул ее и шагнул внутрь.

Тишину снаружи сменил едва слышный гул систем. Воздух пахло свежим пластиком и кофе (автоматическая машина в стартовом наборе). Свет автоматически зажегся, мягкий, теплый. Перед ним была знакомая по рекламным роликам картина: компактная кухня, раскладной диван, панорамное окно, сейчас закрытое бронированными ставнями в режиме «Транспорт». Это был кокон. Убежище.

Он рухнул на диван, закрыл глаза. Безопасность. Хотя бы иллюзия. Теперь можно было подумать.

Он открыл на ноутбуке главный конфигурационный файл автодома. Его мир. Его код. Здесь он был богом. Можно перенастроить систему безопасности на максимальную чувствительность, перераспределить энергию с ненужного климат-контроля на внешние камеры и датчики движения, активировать аварийный протокол «Осада». Он начал печатать, погружаясь в привычный ритуал, отгоняя страх строчками команд.

Через несколько часов, когда внутри автодома было относительно уютно (работал подогрев пола, кипел чайник), Сергей решился взглянуть наружу. На мониторе управления была картинка с единственной подключенной внешней камеры — узкоугольной, для парковки.

...Сергей ввел стандартный для инженеров админ-код: ADMIN_OVERRIDE_42 . Система задумалась...

>ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ, СЕРГЕЙ. (Привилегии: ROOT-доступ)

>Обнаружены аппаратные ключи доступа (токены) в подключенном кейсе. Доступ расширен: разблокированы военные протоколы «Цитадели».

Кейс! Он был все еще пристегнут к его запястью тонким стальным тросиком — параноидальная привычка, которую он выработал после встречи с Крюковым. Сергей открыл его. Внутри, в форм-факторах, лежали три токена и та самая карта. Он подключил основной токен к порту автодома.

Экран ноутбука ожил новыми иконками. Появились меню: «Активная броня», «Электромагнитная защита», «Протокол «Улей» (управление дронами-разведчиками, если они есть в комплекте)», «Психологический профиль угрозы (бета)».

Он рухнул на диван. Безопасность. Теперь — настоящая. Он был в своей стихии. Открыл конфигурационный файл и начал творить. Алгоритм распознавания паники, над которым он работал в поезде, обрел новую, зловещую цель: сканировать не владельца, а внешнюю среду через микрофоны и камеры, пытаясь вычленить паттерны враждебного поведения у... чего бы то ни было снаружи.

Через несколько часов, когда внутри было уютно, он взглянул на внешнюю камеру. Две луны. Багровая и пепельная. И движение в лесу.

Правда обрушилась на него он Попаданец

Он откинулся на спинку кресла, глядя в окна на небо с двумя лунами. Первый рабочий день закончился. Теперь начиналась настоящая работа. Работа по выживанию. И первая задача в спецификации, которую он сам себе написал в уме, звучала так: «Адаптировать протоколы человеческой психологии для нечеловеческих угроз вспомнить что делает настоящий попаданец, может у меня с психикой не все в порядке ведь последние пол года я не помню может, я в коме но над этим подумаю завтра а сейчас спать.

Сюжет 5 На земле

Москва. Секретный ситуационный центр.

Полковник ФСБ Игорь Игоревич Волков стоял перед огромным стеклянным экраном, в котором тонула карта России. На ней горела тревожная красная точка в сотне километров от Архангельска. Точка «неопределенности». Рядом с ней — трек последнего известного положения поезда № 144 «Стрела», исчезнувшего двадцать часов назад в тоннеле №7 под Валдайской возвышенностью. Исчезнувшего без единого сигнала бедствия, как будто его стерли ластиком.

Волков, мужчина лет пятидесяти с жестким, будто вырубленным из гранита лицом и холодными серыми глазами, не отрывал взгляда от точки. В комнате пахло стрессом, холодным кофе и дорогой электроникой. За спиной у него, стараясь не дышать, замерли два сотрудника — аналитик Семен и техник Марина.

— Полковник, — тихо начала Марина, просматривая данные на планшете. — Поисковые группы на месте. Обнаружены следы... деформации полотна. Но не от удара. Словно рельсы на протяжении трехсот метров просто... *размягчились*, а потом застыли снова. Ни осколков стекла, ни обломков, ни тел. Ничего.

— Электромагнитный импульс? — глухо спросил Волков, не оборачиваясь.

— Нет признаков. Все записывающие устройства в радиусе пяти километров, даже аварийные «черные ящики» на ближайшей подстанции, функционировали. Просто... ничего не зафиксировали. Промежуток в семь минут. Тишина.

Волков медленно повернулся. Его взгляд был тяжелым, как свинец.

— Семен. Объект «Сергей В.». Его последнее местоположение.

— Подтвержденная посадка в поезд №144, вагон 7, место 12, — быстро отчеканил аналитик. — По нашей просьбе Ольга из «ДомКо» вручила ему оборудование лично. Трекер в кейсе активирован. Подал последний сигнал с примерными координатами входа в тоннель. Затем — глушение. Как и у всего состава.

— Наблюдение за ним было установлено по протоколу «Тень-4», — продолжил Волков, больше для протокола, чем для подчиненных. — В связи с инцидентом в государственной клинике №7 шесть месяцев назад. Инцидентом, детали которого он, по заключению наших и приглашенных специалистов, не помнит. Или делает вид.

— Вы думаете, его исчезновение связано с... «тем случаем»? — осторожно спросил Семен.

Волков тяжело опустился в кресло, и оно жалобно скрипнуло.

— Я думаю, что «тот случай» был не концом, а началом. Мы так и не поняли природу явления. Пациент К., с которым работал Сергей В., после сеанса впал в вегетативное состояние, а все записи, включая бумажные, были стерты или испорчены неизвестным энергетическим воздействием. Сам Сергей В. — единственный свидетель — получил ретроградную амнезию на весь период работы. Но сканы ЭЭГ показывали... аномальные всплески в моменты, когда мы пытались его гипнотически погрузить. Не мозг защищал память. Нечто *другое*.

Он замолчал, уставившись в пустоту.

— И вот теперь он едет в поезде, который везет, по наводке того же Крюкова из «ДомКо» (который, между прочим, десять лет назад курировал закрытые арктические проекты), три экспериментальных автодома с оборудованием «ГеоСкана». Компании, которая, как выяснилось, на 40% финансируется через офшоры с неясным бенефициаром. И этот поезд исчезает. Слишком много совпадений, чтобы быть случайностью.

— Вы считаете, это... похищение? Иностранная операция? — спросила Марина.

— Я считаю, что мы столкнулись с чем-то, что не вписывается в парадигму «иностранной операции», — отрезал Волков. — Нет следов, нет требований, нет логики. Есть тишина. И есть

Объект «Сергей В.», который был в эпицентре одного аномального события и теперь, вероятно, находится в эпицентре другого. Протокол «Тень-4» переходит в стадию «Феникс». Мы ищем не поезд. Мы ищем *аномалию*. Все данные по инциденту в клинике, все побочные материалы по пациенту К., все биографические данные Сергея В. — на стол. И найдите мне того самого «приглашенного специалиста», того странного старика из Института парапсихологии, который тогда сказал, что это «не взлом психики, а... загрязнение реальности».

— А если мы его не найдем? — тихо спросил Семен.

— Тогда, — Волков снова посмотрел на красную точку на карте, — значит, дверь, которую мы приоткрыли шесть месяцев назад, теперь захлопнулась навсегда. И мы потеряли не просто программиста. Мы потеряли ключ. И, возможно, единственного, кто мог бы выжить по ту сторону. Всем работать. Доклад через час.

Он откинулся в кресле, когда сотрудники вышли. На экране красная точка мерцала, как капля крови на карте. Полковник Волков думал не о докладах начальству. Он думал о пустом кабинете в клинике, о запахе озона и сожженной бумаги, о глазах Сергея В. на том единственном допросе — растерянных, искренне непонимающих, но с каким-то странным, едва уловимым **отсветом**в глубине зрачков. Как у человека, который увидел что-то настолько чудовищное, что мозг предпочел не помнить, но душа — не забыла.

Теперь этот отсвет, возможно, горел под двумя чужими лунами в глубине невозможного леса, куда не дотянуться ни антеннам, ни протоколам.

Сюжет 6 Другой мир. Бункер «Асгард-Персефона».

За 2 часа до Инцидента с поездом №144.

Тишина здесь была иного качества. Не природная, а выстраданная, искусственная — тишина систем жизнеобеспечения, работающих на минимальном, шепчущем режиме в течение тысячелетий. Воздух пах озоном, стерильной пылью и слабым, едва уловимым гулом, идущим от самых стен.

Зал Центрального Контроля был огромным, пустым и темным. Лишь в его центре парила голографическая проекция — многослойная, мерцающая схема невероятной сложности. Это была «Установка «Орион» — сердце бункера и, возможно, последнее действующее наследие цивилизации, чье имя стерло время.. Они не были богами. Они были инженерами реальности.

Рядом с проекцией, неотличимая от теней, стояла фигура. Страж . Не человек, не аватар, а сгусток сенсорных матриц и охранных алгоритмов, облеченный в форму, напоминающую доспехи из черного обсидиана. Его «глаза» — две точки холодного голубого света — безостановочно сканировали потоки данных.

«Орион» выполнял две функции:

1. Хранилище Ноосферы: В его квантовых ядрах дремали архивы знаний, искусства, языков, генетических кодов

2. Реактор-стабилизатор: Он накапливал избыточные магические эманации (термин условный, но наиболее близкий) из окружающего мира, чтобы поддерживать внутри бункера стабильную, нулевую магическую среду. Это было необходимо для сохранения технологий, несовместимых с хаотичной внешней магией.

И вот система дала сбой. Внешний мир, искаженный Росяным Мхом, уже тринадцать циклов подряд выжигавший магию дотла, наконец, истощился. Фоновый поток эманаций, который «Орион» столетиями аккуратно перекачивал и сбрасывал в специальные мерные карманы пространства, иссяк до критического минимума. Но внутренний цикл накопления не остановился. Реактор продолжал работать по инерции, создавая внутри установки нестабильный, перенасыщенный сгусток энергии. Критическое накопление.

Голос Стража прозвучал в тишине зала, лишенный интонаций, похожий на скрежет камней:

— Аварийный протокол «Очищение» активирован. Сброс через стандарные порталы невозможен. Причина: отсутствие фонового резонанса во всех прилегающих реальностях. Поиск альтернативных решений.

Голограмма замерцала, выстраивая древовидные схемы. Большинство ветвей гасло, отмечаясь кроваво-красным значком «Нет выхода» .

— Решение 743-альфа: создание направленного транспортного луча. Цель: удаленная реальность с подходящим фоновым излучением для диссипации энергии. Риск: неконтролируемое формирование туннеля реальности.

Страж не колебался. Нестабильность «Ориона» угрожала целостности Хранилища. Риск был допустим.

— Инициирую сканирование. Критерии: устойчивая реальность, низкий порог магического сопротивления, наличие макросоставных биологических объектов для калибровки луча.

Вселенная (или мультивселенная) раскинулась на голограмме в виде мерцающего фрактального облака. Датчики «Ориона», чудом еще связанные с внешними сенсорами, прощупывали слои реальности. Мир за миром отвергался: слишком нестабильные, слишком плотные, лишенные биомассы...

— Обнаружен кандидат. Реальность 3036 по классификации «Орламина». Фоновое излучение: стабильное, низкоуровневое, спектрально совместимое. Обнаружены множественные макросоставные биологические объекты в движении по искусственным траекториям.

Голограмма сфокусировалась. Проявился странный, вытянутый объект, движущийся по предсказуемому пути через искусственную каменную арку (тоннель). Внутри — сотни теплых, сложных биосигнатур. Люди.

— Идеальный расходный резонатор, — отозвался Страж. — Однако захват движущегося объекта целиком превышает энергетический бюджет протокола «Очищение».

Алгоритмы пересчитали варианты за микросекунды.

— Решение: частичный захват. Принцип неопределенности Ориона. Невозможно точно изолировать единичный объект внутри сложной системы при дистанционном формировании туннеля. Расчет: захват целевой биосигнатуры с прилегающим минимальным объемом материи и искусственной средой обитания для повышения шансов выживания и, как следствие, успешной диссипации энергии через него.

Голограмма выделила один из сигналов. Сергей. Рядом — металлическая коробка (автодом), наполненная примитивной, но сложной электроникой. Идеальный буфер.

— Перерасчет... Завершен. Вероятность успешного точечного переноса целевого объекта с прилегающим артефактом: 82%. Погрешность по точке прибытия: +/- 0.000032 астрономических единицы (приблизительно 25 км от базы «Орион»). Побочный эффект: формирование зоны временной магической пустоты в точке отправления. Энергетический выброс будет воспринят реальностью-донором как электромагнитная и гравитационная аномалия.

Страж скомандовал, и «Орион» загудел, набирая мощь. Кристаллы в его сердцевине вспыхнули ослепительным, невыносимым для человеческого глаза светом.

— Активация транспортного луча. Фокусировка на реальность 3036, объект в движении. Цель: живой расходный резонатор. Запуск протокола «Очищение». Таймер: 3... 2... 1...

В мире людей, в тоннеле №7, это выглядело как ослепительная вспышка, выжигающая сетчатку, и чувство провала в бездну.

В бункере «Асгард-Персефона» голограмма погасла, а гул «Ориона» сменился на ровное, успокоившееся жужжание. Сброс завершен. Критическая масса энергии ушла по лучу, вшита теперь в DNA пространства вокруг невольного «гостя» и в его собственное, слегка измененное, естество.

Страж остался в тишине, наблюдая за показателями.

— Миссия выполнена. Объект перенесен. Начало долгосрочного мониторинга. Возможно, он выживет. Возможно, он станет чем-то большим, чем резонатор. Время покажет.

А в лесу, под двумя лунами, просыпался Сергей, не подозревая, что его падение было не аварией, а актом тончайшей инженерной необходимости, совершенной машиной, для которой он был всего лишь... подходящим биологическим компонентом .

Сюжет 7: Сны о прошлом

Ночь в автодоме выдалась беспокойной. Сергей ворочался на узком диване, то проваливаясь в тяжёлый сон, то выныривая обратно в реальность, где за бронированными стёклами мерцали две чужие луны. Сознание путалось, смешивая воспоминания и кошмары в причудливый коктейль, от которого хотелось проснуться, но сил не было.

Белый свет. Слишком яркий, стерильный, режущий глаза. Запах — смесь медицинского спирта, озона и чего-то ещё, сладковато-приторного, от чего слегка кружилась голова. Он сидит в неудобном пластиковом кресле, перед ним стол, заваленный бумагами. Напротив — Ольга.*

Она сегодня другая. Не та собранная, деловитая сотрудница отдела кадров, что встречала его в офисе. Волосы распущены, лёгкая блузка расстёгнута на верхнюю пуговицу, и она улыбается — не профессионально, а как-то по-другому, теплее.*

— Сергей, вы совсем не отдыхаете, — голос её звучит мягко, с лёгкой хрипотцой. — Эти отчёты подождут. Пойдёмте, кофе выпьем.*

Он хочет ответить, но язык не слушается. Вместо слов из горла вырывается только сиплый выдох. Ольга встаёт, обходит стол, садится на подлокотник его кресла. Тёплая ладонь ложится ему на плечо.*

— Ты слишком много на себя берёшь, — шепчет она, и это «ты» вместо «вы» звучит как-то особенно интимно. — Здесь это никому не нужно. Мы здесь свои.*

Сергей чувствует запах её духов — лёгкий, цветочный, с нотками ванили. Хочется повернуться, ответить, но тело будто налито свинцом. Он смотрит в её глаза — тёплые, карие, с искорками — и тонет в них.*

— Ольга, я...*

Резкая вспышка света. Сцена меняется.*

Те же стены, но всё иначе. Он сидит в таком же кресле, но теперь перед ним не Ольга, а двое в белых халатах. Мужчина и женщина. Лица доброжелательные, но в глазах — холодное, профессиональное любопытство.*

— Сергей, попробуйте ещё раз вспомнить последние шесть месяцев. Любые детали. Что вы чувствовали? С кем общались?*

Он напрягает память, но там — пустота. Белый шум. Иногда мелькают образы, но стоит попытаться ухватить их, они рассыпаются в пыль.*

— Ничего, — отвечает он честно. — Только обрывки. Запахи. Какие-то лица, но я не могу их узнать.*

Психолог — женщина с короткой стрижкой и внимательным взглядом — делает пометки в блокноте.*

— А сны? — спрашивает она. — Вам снятся сны?*

Сергей задумывается. Сны... да, снятся. Но они такие же рваные, бессвязные. Белые коридоры, лабиринты, из которых нет выхода. Иногда — голоса, говорящие на непонятном языке. Но он не говорит об этом. Почему-то молчит.*

— Нет, — слышит он свой голос. — Снов нет.

Психолог переглядывается с коллегой. В их взглядах мелькает что-то... разочарование? Или облегчение? Он не может понять.

— Хорошо, Сергей. Мы закончили. Вы можете идти.*

Он встаёт и идёт к двери. На выходе оборачивается. На стене, за спинами психологов, висит странный прибор — мигает красным огоньком. Сергей смотрит на него, и вдруг понимает: этот прибор он уже видел. Там, в тех обрывках. Он стоял в углу той комнаты, где... где...

Где была Ольга.

Снова вспышка. Он уже не в кресле, а стоит посреди коридора. Бесконечного, белого, с десятками дверей. Где-то далеко слышны голоса — спокойные, деловые. Говорят о каких-то показателях, о «пациенте К.», о «стабильности фона». Он идёт на голоса, но коридор петляет, двери сменяют одна другую, и голоса становятся всё тише.*

Вот одна из дверей приоткрыта. Он заглядывает внутрь.

*Комната, залитая мягким голубоватым светом. В центре — кресло, в котором сидит человек. Лица не видно — только силуэт. Рядом с креслом стоит Ольга. Она что-то говорит, склонившись к человеку, и в её руках — тонкие провода, тянущиеся к вискам сидящего.

Сергей хочет войти, но ноги не слушаются. Он смотрит, как Ольга выпрямляется, оборачивается и... смотрит прямо на него. В её глазах — ни тёплоты, ни интимности. Только холодное, профессиональное любопытство. Точно такое же, как у тех психологов.

— Сергей? — голос её звучит ровно. — Вы здесь? Но вас не должно здесь быть. Это закрытая зона.

Она делает шаг к нему, и в этот момент свет в комнате гаснет. Силуэт в кресле исчезает, провода падают на пол. Ольга замирает, и её лицо начинает меняться — черты плывут, становятся чужими, незнакомыми.*

— Ты ничего не помнишь, — говорит она, но голос теперь другой — низкий, механический. — Ты ничего не помнишь. Это приказ.*

Сергей отшатывается, хочет бежать, но коридор исчезает. Вокруг смыкается белая пустота.

***

Он проснулся резко, будто его выдернули из воды. Сердце колотилось где-то в горле, рубашка прилипла к спине. Два солнца уже вставали, заливая долину золотистым светом, но в груди было холодно.

— Чёрт, — выдохнул Сергей, растирая лицо ладонями. — Что это было?

Воспоминания сна таяли, оставляя после себя только смутную тревогу и странное чувство, что он что-то упускает. Ольга... та самая Ольга из отдела кадров. Она была там. В той белой лаборатории. И она смотрела на него не как на коллегу, а как на... объект?

Он попытался вспомнить детали, но тщетно. Чем дольше он думал, тем быстрее образы ускользали. Осталось только ощущение — липкое, неприятное, как будто он случайно заглянул в чужую тайну.

Сергей встал, налил воды из фильтра, сделал несколько глотков. В голове пульсировала одна мысль: *почему мне резко захотелось всё бросить?*

Он вспомнил тот день, когда пришёл к психологам. Сеанс за сеансом — и ничего. Пустота. А потом вдруг, без видимой причины, он твёрдо решил: хватит. Подал заявление, забрал документы и ушёл в IT. Второе образование — «Информационные технологии в бизнесе» — оказалось спасательным кругом. Чёткие алгоритмы, логика, никакой рефлексии. Идеальный способ убежать от того, что не можешь вспомнить.

— Ты ничего не помнишь, — прошептал он, повторяя слова из сна. — Это приказ.

Интересно, чей приказ? И зачем?

Он посмотрел на свои руки. Руки программиста — чистые, без мозолей, с коротко остриженными ногтями. Но в душе поселилось сомнение: а был ли он когда-то по-настоящему программистом? Или это просто способ спрятаться от правды?

— Собрина, — позвал он мысленно. — Ты можешь проанализировать мои сны? Ну, в смысле, если я их расскажу?

Голограмма появилась мгновенно — бесстрастное лицо эльфийки-«Проводника».

>>Анализ сновидений возможен при условии детального описания. Однако интерпретация будет ограничена моими алгоритмами, основанными на земных психологических методиках. Точность — не более 67%.

— Стоит ли овчинка выделки?

>>Зависит от цели. Если вы ищете ответы о своём прошлом — возможно. Но будьте осторожны: некоторые воспоминания хранят не для того, чтобы их находили.

Сергей усмехнулся.

— Ты сейчас прямо как психолог говоришь.

>>Я анализирую земные культурные коды. В том числе и психологические триллеры. В них подобные предупреждения обычно игнорируют, и главный герой вляпывается в неприятности.

— А в реальной жизни?

>>В реальной жизни последствия могут быть ещё хуже. Потому что в кино знают, когда остановиться. А в жизни — нет.

Сергей замолчал, глядя на две луны, медленно бледнеющие в утреннем небе. Сон уже почти растворился, оставив только послевкусие — горьковатое, тревожное. Ольга, белые стены, голоса... и странное чувство, что всё это имеет значение. Но какое?

— Ладно, — сказал он наконец. — Пока оставим. У нас есть дела поважнее, чем копаться в том, чего не вернёшь.

>>Разумно, — согласилась Собрина. — Прошлое не изменить. Будущее — можно.

Он допил воду и направился к панели управления, чтобы начать утренний обход. Но краем сознания всё ещё видел тот коридор — бесконечный, белый, с десятками дверей. И одну из них, приоткрытую, за которой ждала правда.

Или то, что он не готов был узнать.

Глава 2: Долина Скорби

«Глаза — зеркало души. А камеры — зеркало паранойи».

(Неизвестный автор)

Сергей обустраивает лагерь, налаживает систему выживания и начинает скрытно наблюдать за двумя эльфийками-изгоями, не подозревая, что одна из них уже почувствовала чужое присутствие.

Сюжет 1: Бытовой код

Сергей превращал выживание в скрипт. Каждый день — это отлаженный исполняемый файл, где ошибка могла стоить жизни. Его операционная система «Выживание v1.0» работала стабильно, но требовала постоянного мониторинга.

Утро начиналось с диагностики. Обход по периметру лагеря занимал сорок минут — Сергей проверял каждый куст, каждый камень, каждую ветку, которая могла оказаться не на месте. Система сигнализации, собранная из датчиков движения и старых автомобильных сигнализаций, работала без сбоев уже третью неделю.

Солнечные панели он осматривал с особой тщательностью. Они были его артериями — без них через неделю умрёт связь, освещение, подогрев воды. Конденсат удалял мягкой тканью, загрязнения — специальным раствором, который нашёл в запасах одного из автодомов.

— Чисто, — бормотал он, записывая показания в планшет.

Проверка ресурсов занимала ещё полчаса. Строгий учёт в файле «inventory.xlsx» вёл с маниакальной точностью: 43 банки тушёнки, 18 — каш, 7 — фруктов. Пачка соли, три упаковки чая, полтора килограмма сахара. Пресная вода была неограниченно, но фильтры надо менять через 2000 литров. У него был запас на четыре штуки. Расчёт показывал: при текущем расходе — 10 месяцев.

— Бензин для генератора: 120 литров. Только для экстренных случаев. Аварийный старт «Крепости» требует 40 литров. Одна попытка бегства, — записал он в заметках.

Анализ логов был самым важным пунктом. Он открывал сводку с камер, разбросанных по периметру. Система, настроенная на детекцию движения, фиксировала каждое шевеление. За ночь: 12 событий. 11 — мелкие тепловые пятна, скорее всего, местные грызуны, похожие на помесь хорька и белки. Одно — покрупнее, но прошло мимо, не задержавшись.

— Жизнь идёт, — усмехнулся Сергей, откладывая планшет.

Днём он работал. Сегодня пытался реанимировать один из дронов из комплекта «Гео-Скан». У него было три таких беспилотника, но два разбились при испытаниях. Третий выглядел целым, но не запускался. Разобрав его на столе в автодоме-мастерской — бывшем салоне класса «люкс», превращённом в лабораторию, — он обнаружил сгоревший контроллер.

— Электромагнитный импульс при переходе? Или просто брак, — пробормотал он.

Запасных контроллеров не было. Но нашёлся аналог в блоке управления климатом «Крепости». Несовместим по протоколу, но... он мог перепаять, перепрошить. Задача на 3-4 дня. Это отвлекало от главного вопроса: «Зачем?»

— Зачем я здесь? Зачем всё это? — спросил он пустоту.

Ответа не было.

Но отвлечься от бытовых проблем не получалось — они лезли в голову с той же настойчивостью, с какой утренний туман заползал в долину. Сергей открыл новый файл и озаглавил его: **«Бытовые задачи. Критический уровень»**.

Биотуалет. Он работал, но надолго ли? Сменных модулей здесь не было и не предвиделось. Нужно продумать альтернативу — может, выгребную яму подальше от лагеря, с герметичным люком и системой вентиляции. Или адаптировать местные материалы... Если, конечно, он не хочет, чтобы через месяц его «Крепость» превратилась в рассадник инфекции.

Вода. Пока её было достаточно — ручей журчал в ста метрах от лагеря. Но Сергей привык мыслить на перспективу. Надо завести привычку отмечать на карте все водоёмы, родники, даже просто подозрительно влажные низины. Вдруг ручей пересохнет? Вдруг его отравят? Вдруг туда забредёт стадо тех светящихся антилоп и оставит после себя такое, что фильтры не спасут?

Живность. Её пока было мало — те же грызуны, пара птиц, один раз мелькнуло что-то крупное в сумерках. Когда они пойдут, надо быть готовым — ставить ловушки, коптить мясо, запасать впрок. Но для этого нужны соль и специи, а их запас ограничен.

Фильтры. Домашний запас — четыре штуки. При аккуратном использовании — месяцев на десять. А дальше? Нужно искать песок, уголь, делать самодельные фильтры. Он скачал инструкции во время прокола, но проверить их на практике ещё не успел. Надо найти подходящий песок — не слишком мелкий, не слишком крупный, промыть, прокалить. И уголь — жечь древесину в закрытой ёмкости, толочь, смешивать.

Соль. Её оставалось грамм триста. На месяц, если экономить. А без соли организм долго не протянет — начнутся судороги, слабость, потом отказ почек. Где искать соль в этом мире? Выпаривать из воды? Но в ручье вода пресная. Может, есть солончаки где-то за долиной.

Рацион. Консервы — это хорошо, но они не вечны. Местные растения — риск, но без них не обойтись. Нужно составить график тестирования: по одному новому виду в три дня, с тщательной фиксацией реакции организма. И ловить рыбу — в ручье её было много, и выглядела она вполне съедобно. Главное — не нарваться на паразитов.

Сергей потёр виски, чувствуя, как от этих мыслей начинает болеть голова. Слишком много переменных. Слишком много «если». Но если он хочет выжить, надо систематизировать всё до последней мелочи.

— Ладно, — сказал он вслух, записывая последний пункт. — Значит, так. Задачи на ближайшую неделю:

Найти место для альтернативного туалета и начать копать.

Обследовать берега ручья на предмет залежей песка и глины.

Поставить первые ловушки для мелкой живности — на пробу.

Собрать образцы песка для фильтров и начать тестировать.

Найти любые источники соли — вдруг повезёт.

Составить карту всех замеченных водоёмов в радиусе пяти километров.

Он сохранил файл и посмотрел в окно. Два солнца клонились к закату, отбрасывая длинные тени на долину.

Сюжет 2: Первый контакт

Это было огромное, пространство между горных хребтов тем лесным месивом и с которого он вышел и кажется долина тянулась далеко зажатой горами и лесами Но привычных для таких лугов насекомых и птиц не наблюдалось.

А на тропе, ведущей ко входу в долину, была группа. Сергей замер, припав к прицелу цифрового бинокля с 40-кратным зумом. Нашлась небелая полянка с ручейком которая тянулась к реке и удобным спуском. Вот здесь можно организовать свой жилище лес для жилья всё-таки не так удобен тут и вода рядом и с одной стираный холм и вся долина как на ладони.

Стоит организовать свою работу

Подготовка местности

Выбор места: Найти ровную площадку, желательно рядом с существующими путями или удобной дорогой, куда легко подъехать машине.

Расчистка пути: Очистить территорию от крупных камней, кустов и другого мусора, мешающего перемещению.

Подготовка брёвен: Из леса выбрать прямые и крепкие стволы деревьев диаметром около 20 см. Их длина должна превышать ширину самого широкого вагона примерно на метр-полтора с каждой стороны.

Установка временных путей: Расположить брёвна параллельно друг другу на расстоянии чуть больше ширины колёсной базы вагона (обычно около полутора метров). Брёвна уложить ровно, используя клинья и подпорки, чтобы избежать уклона.

Закрепление брёвен: Для предотвращения перемещения проложенных брёвен вбить колышки вдоль дорожек, закрепив каждое бревно несколькими гвоздями длиной 15-20 см.

Установка на постоянное место

Разборка временного пути: После доставки всех вагонов убрать временные деревянные дороги и подготовить участок для постоянного размещения конструкции.

Организация жилища: Разместить вагоны таким образом, чтобы обеспечить удобство проживания и эффективное использование пространства. Соединить их деревянными мостиками или навесами, создать дополнительные помещения (вершины крыш, галереи, террасы).

Данная задача заняла неделю удачно нашлась бензопила, вагоны создали собой полукруг межу ними честокол, в заде холм с хвойным лесом. Нашлось дерево похожие на бамбук и скоро того создал осветление от ручейка к данному поселению. В вагонах и автодомах нашлось много камер видеонаблюдения стандартных и хорош о что наолся роутре интернта тут и не предвиделось но организовать видео наблюдение по периметру получилось. А электричество тут кончено небыли но и все эти авто дом хоть и планировалась эксплуатировать на севере обладали сенечными батареями. Только один Автодом на базе камаза был внутри поселения остальные также были по периметру и служили определённым целям кто был аналогом элктро станции в некотором роде солнечные ботореи и один небольшой ветряк точнее Ветрогенератор также бинзиновый генераторы но их Сергей решил не подключать так как бенщи это явно тот ресурс который в этом мире не возобновишь а авто дома можно было бы использовать по назначению изучая этот мир, кто центром наблюдены где стаяли компьютеры и мониторы выводившие изображения с камер.

Попаданец решил установить камеры видеонаблюдения на значительном удалении от своего поселения, чтобы держать ситуацию под контролем и заранее узнавать о возможных угрозах. Однако расстояние составляло целых пять километров, что значительно усложняло задачу передачи сигнала. Решением стала цепочка роутеров, настроенная особым образом.

Вот пошаговое руководство, которое могло бы пригодиться такому герою:

Выбор оборудования

Для начала нужно приобрести несколько роутеров с поддержкой режима повторителя («репитер»). Желательно выбирать модели с хорошими антеннами и возможностью настройки мощности сигнала.

Настройка сети

Первым делом организуется базовая точка подключения к камере. Обычно камера подключается к первому роутеру через кабель Ethernet. Затем сигнал передается дальше с помощью последующих устройств.

Этапы установки:

Первая точка. Установить первый роутер рядом с камерой. Этот роутер настраивается как основной, раздавая Wi-Fi-сигнал.

Создание цепочки репитеров. Следующие роутеры размещаются на расстоянии прямой видимости друг друга и первого устройства. Каждый последующий роутер включается в режиме «репитер» и принимает сигнал предыдущего, усиливая и передавая его дальше.

Например, схема расположения может выглядеть следующим образом:

Камера → Роутер №1 → Роутер №2 → Роутер №3 → Приемник сигнала

Каждый промежуточный роутер получает сигнал от предыдущего и передает его следующему устройству, обеспечивая непрерывную связь.

Оптимизация качества связи

Чтобы повысить надежность и стабильность соединения, рекомендуется предпринять ряд мер:

Использовать внешние направленные антенны, повышающие дальнобойность и качество приема сигнала.

Выбрать наименее загруженный частотный диапазон (например, частоту 5 ГГц, если позволяет оборудование).

Периодически контролировать уровень сигнала и вносить корректировки в расположение устройств.

Проблема заключался в том что роутеры хоть и не требую много энергии но без нее не работаю нашлись нужное количество повербанков но работа сними данная конструкция работает где-то 22 -26 часов потом следует сменить повер банки.

Где-то на 10 день после начало работ по устройке капитального лагеря в новом мире на дальней камере около входа в долину появилась люди или кто то на нах похожие.Это был вроде как Эльфы вернее 2 разные группы эльфов. **.**Его мозг отказался верить, но отрицать было нечего. Длинные уши, изысканные черты лиц, но... разделение было очевидным.

Первые(местные, как он позже поймёт) были одеты практично: штаны из плотной ткани, куртки, похожие на современные флисовые. В руках — простые посохи из коряг, на запястьях — плетёные браслеты. Они шли легко, их глаза внимательно сканировали окрестности. Они выглядели как... скауты или следопыты.

Вторые(столичные) казались пришельцами из другой сказки. Их одежды — многослойные, из тончайших, переливающихся тканей, струились при каждом движении. Посохи были искусно вырезаны, увенчаны кристаллами, которые сейчас тускло мерцали. Их лица выражали высокомерное отвращение и страх. А между ними шли **люди**. Коренастые, угрюмые, в простой одежде. На их шеях — массивные ошейники. Они несли на импровизированных носилках эльфийку. Её лицо было бледным, а по открытым участкам кожи струились чёрные, жилистые узоры, похожие на треснувший уголь. Она была без сознания.

Сергей, затаив дыхание, наблюдал. Он видел, как группа остановилась у самого входа в долину, где растительность обрывалась резкой линией и становилось иной более сухой. Столичные эльфы явно не хотели идти дальше. Один из них, с посохом, увенчанным аметистом, подошёл к самому рослому из местных эльфов. Их разговор микрофон камеры не уловил и вряли они говорили на русском а другого языка кроме Делфи Сергей все ровно не знал а тем боли местные, но язык тела был красноречив и универсален: столичный что-то приказывал, указывая на больную и на долину. Местный кивал, но в его позе читалось напряжение. Он взял отряд местных (их было пятеро) и принял носилки от людей. Те, люди, с видимым облегчением отступили, потирая шеи под ошейниками, которые перестали светиться.

Вечером Сергей традиционно занимался наблюдением. На основном мониторе он вывел картинку с камеры у ручья. Эльфийка — он мысленно назвал её Олесиэль — сидела на берегу, босые ноги в воде, и... пела.

Звук был далёким, искажённым микрофоном, но даже сквозь помехи угадывалась мелодия. Невесёлая, протяжная, полная тоски, которая была понятна без слов. Она смотрела не на воду, а сквозь неё, её пальцы бессознательно перебирали браслет из корней на запястье.

— Ей тоже страшно, — тихо сказал Сергей. — Её тоже бросили. Только её — свои же. Меня бросил целый мир. Или вытолкнул. Кто бросил страшнее?

Он поймал себя на этой мысли и провёл ладонью по лицу. Эмоциональная вовлечённость. Опасный баг в логике выживания. Её нужно изолировать, отладить или... принять как часть новой среды.

Но в этот день произошло нечто неожиданное. Олесиэль вдруг подняла голову и посмотрела прямо в камеру. Не просто в сторону — именно в объектив. Её взгляд был осмысленным, изучающим. Она знала, что за ней наблюдают.

Сергей замер. Она не могла знать. Камера была замаскирована, спрятана в ветвях, её объектив закрывал лист. Но эльфийка смотрела именно туда.Она медленно подняла руку и показала жест — сначала указала на себя, потом на камеру, потом нарисовала в воздухе круг. Вопрос? Утверждение? Сергей не знал. Но одно стало ясно: наблюдение больше не было односторонним.— Чёрт, — выдохнул он. — Она знает.Сердце колотилось где-то в горле. Пальцы, лежавшие на мышке, дрожали. Страх — холодный, липкий — пробрался под кожу. Если она знает, если она расскажет другим... Его убежище перестанет быть тайной. Сюда придут. А кто придёт — эльфы, орки, местные жители — неизвестно, но вряд ли с букетами цветов.Но сквозь страх просачивалось и другое — жгучее, почти детское любопытство. Она смотрит на камеру. Она реагирует. Она — разумное существо, которое заметило его присутствие и теперь пытается... общаться? Или просто пугает неизвестного наблюдателя? Или просит о помощи? — Что ты хочешь сказать? — прошептал Сергей, вглядываясь в застывшее на экране лицо.Олесиэль ещё несколько секунд смотрела в объектив, потом резко отвернулась и ушла в глубь леса, скрывшись среди деревьев.В ту ночь он не спал. Смотрел в потолок «Крепости» и думал о том, что делать дальше. Вступать в контакт? Рискованно. Игнорировать? Она может уйти, и он потеряет единственный источник информации об этом мире. А может, она уже всё рассказала своим, и завтра сюда ворвутся вооружённые эльфы...Решение пришло под утро. Осторожность. Минимальные жесты. Не спугнуть.А в это время, в нескольких километрах от лагеря Сергея, у небольшого костра, Олесиэль сидела, обхватив колени руками, и смотрела на огонь. Внутри всё дрожало — не от холода.

Она не знала, что это было. Какой-то странный предмет в ветвях — блестящий, круглый, с тёмным стеклянным глазом. Он смотрел на неё. Она чувствовала этот взгляд — чужой, холодный, немигающий. Как у хищника перед прыжком.

В первый момент её охватил животный ужас. Она хотела бежать, спрятаться, закричать. Но что-то остановило. Любопытство? Отчаяние? Глупая надежда на то, что это может быть не ловушка, а... помощь?

Она подняла руку. Сама не зная зачем. Просто жест — отчаяния, вопроса, мольбы? Указала на себя — «я здесь». На странный предмет — «ты видишь меня?». Нарисовала круг — может быть, «кто ты?» или «что тебе нужно?».

А потом её накрыло осознание: она только что выдала себя. Если это ловушка, если это охотники за изгоями, она сама сказала им: «я здесь, придите и возьмите меня».

Она убежала в лес, спотыкаясь о корни, царапая руки о ветки. Села у костра и теперь пыталась успокоить бешено колотящееся сердце.

— Я не испугалась, — прошептала она вслух, но голос дрожал. — Я просто... просто хотела понять. Это не страх. Это... осторожность.

Она знала, что врёт самой себе. Испугалась. Ещё как испугалась. Но признаться в этом было невозможно. Страх — это слабость. А слабость в этом мире убивает быстрее любой стрелы.

— Я не испугалась, — повторила она уже твёрже. — Я сделала правильно. Если там кто-то есть, пусть знает — я вижу его. Пусть боится.

Но в глубине души, там, где она не позволяла себе смотреть, теплилась другая мысль: а вдруг там не враг? Вдруг там тот, кто поможет?

Она отогнала эту мысль. Слишком опасно надеяться. Но перед сном, засыпая на грубом ложе из веток и мха, она вдруг поймала себя на том, что ждёт утра. Ждёт, чтобы снова пойти к ручью. Чтобы посмотреть — вернулся ли этот странный глаз. И что он сделает дальше.

Сергей не знал об этом. Не знал, что его страх и её страх — две стороны одной монеты. Не знал, что они оба сейчас сидят в темноте, смотрят в одну сторону и думают об одном и том же: кто ты и чего хочешь?

Но где-то там, в пространстве между лагерем и костром, уже протягивалась тонкая нить. Нить, которой суждено было стать началом чего-то большего.

Сюжет 3: Внутренний диалог

— Стоп, — сказал он вслух. — Давай по порядку, мозг. Ситуация: ты попал в другой мир. Факт. Твоя реакция: собрал лагерь, наладил быт, наблюдаешь за эльфами. Где истерика? Где панические атаки? Где неделя в позе эмбриона с криками «я хочу домой»? Этого нет. Почему?

Он перебирал варианты.

Первый: шоковая заморозка. Психика настолько перегружена, что отложила сбой «на потом». Опасная гипотеза. Срыв может случиться в любой момент, когда защита рухнет.

Второй: индивидуальные особенности. Он всегда был логиком, прагматиком. «Что толку плакать? Надо действовать». Это объясняло бы первые дни. Но не объясняло глубину этого спокойствия. Оно было не поверхностным. Оно шло из самых основ.

Третий вариант. Самый страшный. Его к этому готовили.

— Те самые шесть месяцев в лаборатории, стёртые из памяти, — прошептал он. — Что, если это был не просто «проект по изучению памяти»? Что, если это была акклиматизация? Постепенное, методичное приучение психики к необычным состояниям, к обработке нестандартных данных, к стабильности в условиях полной неопределённости?

Мозг могли тренировать. Как мышцу. Чтобы он не сломался при первом же соприкосновении с реальностью, которая не укладывается в законы физики.

— А кто мог это сделать? — продолжил он рассуждать. — Государство? Минобороны? Вряд ли. Их методы грубее. И цель была бы ясна: «Солдат для параллельного мира». Меня же просто выкинули сюда. Скорее, это сделал кто-то или что-то оттуда. Из этого мира. Существа, способные влиять на реальность по ту сторону.

Он замолчал, переваривая мысль.

— Неважно. Гипотеза рабочая: мой перенос не был случайностью. Я — часть процесса. Наблюдатель поневоле. Значит, выживание — не самоцель. Это обязательное условие для выполнения неизвестной миссии. А чтобы её выполнить, мир нужно понять.

Этот вывод принёс не страх, а странное облегчение. Хаос обрёл контуры задачи. Сложной, опасной, но решаемой.

Сюжет 4: Протокол обмена

Утром Сергей принял решение. Он оставил у ручья небольшой подарок — банку тушёнки, вскрытую наполовину, чтобы показать, что еда безопасна, и несколько ярких этикеток, которые могли заинтересовать эльфийку как диковинка.

Он долго выбирал место. Не там, где она обычно сидит — слишком навязчиво. Чуть в стороне, на плоском камне, который наверняка бросался в глаза. Поставил банку, придавил камешком, чтобы не унесло ветром. Рядом положил этикетки — красные, жёлтые, с блестящими буквами.

— Ну, давай, — прошептал он, возвращаясь в «Крепость» к мониторам. — Посмотрим, что ты скажешь.

Олесиэль пришла к ручью через час. Сергей видел, как она остановилась на тропе, заметила что-то необычное на камне. Замерла. Огляделась — не ловушка ли? Прислушалась. Потом медленно, очень медленно, подошла ближе.

Она не касалась даров сразу. Сначала просто смотрела, наклонив голову, как птица, разглядывающая незнакомый предмет. Потом протянула руку и осторожно, кончиками пальцев, дотронулась до банки. Отдёрнула. Снова дотронулась.

Металл. Тонкий, лёгкий, с яркой картинкой, на которой были нарисованы какие-то странные животные и зелёные растения. Она такого никогда не видела. У эльфов были металлические сосуды — тяжёлые, кованые, с чеканкой. У гномов — литые, грубые, но прочные. А это... это было невесомым. Словно сделано из застывшего света.

Она поднесла банку к лицу, понюхала. Пахло чем-то незнакомым, острым, чуть солёным. Внутри что-то булькнуло.

— Еда? — прошептала она одними губами.

Осторожно заглянула внутрь. Там, в полумраке банки, лежало нечто бежевое, с кусочками чего-то тёмного. Пахло сильнее. Желудок свело судорогой — она не ела нормально уже третий день.

Она лизнула край банки. Солёное. Странное, но не противное. Потом, не выдержав, макнула палец и попробовала содержимое.

Сергей на мониторе затаил дыхание.

Лицо Олесиэль сначала выражало недоверие. Потом удивление. Потом... блаженство? Она зажмурилась, прожевала, сглотнула. Открыла глаза и уставилась на банку с таким выражением, будто держала в руках не консервы, а эликсир богов.

— Сработало, — усмехнулся Сергей.

Она ела медленно, смакуя каждый кусочек. Иногда останавливалась, рассматривала содержимое, нюхала, пробовала снова. Когда банка опустела, она долго сидела неподвижно, глядя на неё.

А потом произошло то, чего Сергей не ожидал. Она поднесла пустую банку к глазам и принялась разглядывать её с таким вниманием, будто это был древний артефакт. Провела пальцем по краю — острый! — удивилась. Постучала по стенке — звенит. Смяла? Попробовала сжать пальцами — металл поддался, но нехотя, с лёгким сопротивлением.

— Тонкий, — прошептала она. — Как лист. Как они делают такой тонкий металл? И тратят его на... еду?

Она покрутила банку в руках, рассматривая этикетку. Яркие краски, которых она никогда не видела в природе. Ровные, идеальные линии рисунка. Буквы — странные, непохожие ни на эльфийские руны, ни на гномью вязь.

— Одноразовая, — до неё вдруг дошло. — Они сделали это, чтобы выбросить? Чтобы использовать один раз и выбросить?!

В её мире металл был ценностью. Его переплавляли, ковали заново, берегли. Старые вещи чинили, а не выбрасывали. А здесь... здесь какой-то невероятно тонкий, лёгкий металл использовали как упаковку для еды. Один раз — и в мусор.

— Транжиры, — выдохнула она, но в голосе не было осуждения. Только изумление. — Откуда у них столько металла? Или они потом переплавляют эту... штуку? Используют снова?

Она спрятала пустую банку в карман — на всякий случай. Вдруг пригодится. Вдруг из неё можно сделать что-то полезное. Наконечник для стрелы? Нет, слишком тонкая. Заплатку на одежду? Может быть.

Этикетки она тоже забрала. Рассмотрела каждую, погладила пальцем гладкую, блестящую поверхность. Таких красок у эльфов не было. Может, из них можно сделать украшение?

Или просто оставить себе — как напоминание о том, что в этом странном мире есть кто-то, кто делится едой.

На следующий день на том же месте лежала связка незнакомых трав и маленький камешек, похожий на полудрагоценный. Обмен состоялся.

Сергей, разглядывая дары через камеру, долго вертел в руках камешек, который принесла Олесиэль.

— Красивый, — признал он. — Но что это? Просто подарок? Или указание на что-то?

Травы он убрал в отдельный пакет — потом разберётся, съедобны они или нет.

Так начался их молчаливый диалог. Без слов, без прямого контакта, но с взаимным уважением и любопытством. Сергей оставлял еду, безделушки, кусочки ткани. Олесиэль — травы, камни, однажды даже странный амулет, сплетённый из корней.

— Мы как два шпиона в нейтральной зоне, — смеялся Сергей. — Обмениваемся чемоданами на вокзале.

Но за этой игрой стояло нечто большее. Постепенно, через эти маленькие дары, они начинали понимать друг друга. Сергей узнавал, какие растения съедобны, какие камни ценятся, какие цвета и формы привлекают эльфийку. Олесиэль, в свою очередь, получала представление о его мире — мире ярких упаковок, странных материалов и непонятных, но полезных вещей.

Однажды вечером, сидя у мониторов, Сергей поймал себя на мысли, что ждёт этих обменов. Что ему интересно, что она оставит завтра. Что она стала для него не просто объектом наблюдения, а... кем-то большим.

— Осторожнее, парень, — сказал он себе. — Не влюбись в эльфийку. Это до добра не доведёт.

Но где-то глубоко внутри уже зарождалось чувство, которое позже изменит всё.

Сюжет 5: Путь Сергуса

Где-то в ничейных землях, у подножия Синих Хребтов, в месяц Перехода, сидел у своего костра тот, кого теперь называли Сергусом.

Когда-то, тридцать лет назад, его звали иначе — Гарам. Но то имя осталось в прошлом, вместе с прежней жизнью. Он не был похож на сородичей — не низкорослым, суетливым и думающим только о наживе. Эксцентричный. Умный. Слишком умный для гоблина. Его уважали, но побаивались. Он был шаманом, но не тем, кто бубнит заученные молитвы. Он искал **знания**.

Всё изменилось тридцать зим назад, когда он был ещё юным и дерзким разведчиком. Тогда, совсем ещё молодой, почти мальчишка, он забрёл в запретную Долину Предков. И нашёл там не кости и ржавые мечи, а Артефакт. Серебристый обруч, холодный и безмолвный, лежал на каменном алтаре. Любопытство победило страх. Он надел его.

То, что случилось потом, стёрло прежнего Гарама. В его сознание хлынули не видения духов, а **знания**. Чистые, структурированные, чуждые. Схемы устройств, принципы передачи энергии без проводов, основы биологии на уровне, недоступном самым учёным эльфам. В тот момент он не понял и половины. Принял это за откровение богов, за мудрость самих Предков.

Но с годами, вникая в обрывки этих данных, он начал понимать. Это были не молитвы. Это были **инструкции**. Знания о том, как устроен мир на самом глубоком, фундаментальном уровне. Знания, которые могли всё изменить. Они сделали его могущественным шаманом — его «магия» была часто лишь применением непонятых принципов из тех потоков.

Он сменил имя. Гарам умер, родился **Сергус**— исследователь, ищущий ответы.

Он стал изучать мир по-новому. Наблюдал, как люди учат магию — не как дар, а как науку. Изучал природу, пытаясь найти соответствия между тем, что видел, и тем, что хранилось в его памяти. И всё это время в глубине сознания тихо фонил **голос**— монотонный,

безэмоциональный, временами произносивший странные слова. Голос системы, с которой он соединился навсегда.

И вот сейчас, сидя у костра и медитируя, пытаясь вновь настроиться на этот потусторонний канал, он **услышал**. Не обрывки, а чёткий, ясный поток:

>>Обнаружены интерфейсы: Биометрический сканер, продвинутая нейроконтактная система (уровень «мягкого слияния»), модуль беспроводной связи на неизвестных протоколах, совместимых с технологиями субъекта. Начата интеграция... <<

Сергус замер. Леденящее понимание пробежало по спине. Это был не его внутренний голос, повторяющий старое. Это было **сообщение**. Констатация факта. Где-то прямо сейчас происходило то же, что случилось с ним тридцать лет назад. Кто-то ещё **скоро пройдет Единение**.

Кто? Человек? Эльф? Другой гоблин? Неважно. Это меняло всё. Тридцать лет он был единственным носителем этих знаний, одиноким пророком в мире варваров. А теперь появился ещё один. Возможно, соперник. Возможно, ученик. Возможно... ключ к тому, чтобы наконец понять остальное.

Он не раздумывал. Мгновенно погасил костёр землёй. Его движения, обычно медленные и величавые, стали резкими и целеустремлёнными. Он вошёл в свою пещеру-лавку и начал собирать мешок. Не только еду и воду. Туда полетели странные для гоблина вещи: замысловато скрученные провода из чистой меди, кристаллы с вытравленными на них схемами (его попытки воссоздать детали из памяти), блокноты, исписанные его корявыми значками — смесью гоблинских рун и технических чертежей. Артефакты его долгих исследований. Всё, что могло понадобиться для встречи с... кем бы это ни было.

Через час Сергус, закутанный в плащ из шкуры болотного ящера, уже шагал прочь от своего стойбища. Он не оглядывался. Его путь лежал туда, откуда тридцать лет назад пришло озарение — в Долину Предков. Тихое, почти детское волнение боролось в нём с холодным расчётом.

«Иду, — думал он, вглядываясь в звёздное небо, по которому плыли две луны. — Иду на встречу. Моему брату по знанию. Или к концу моего пути. Но это... это будет интересно».

Глава 3: Проколы реальности

«Самое страшное в другом мире — это когда ловит интернет, а позвонить некому». (Интернет-мем)

Сергей фиксирует странные свечения в лесу, внезапный сигнал интернета из ниоткуда и начинает подозревать, что его перенос — не случайность, а часть чужого плана.

Событие 1: Бытовой код. Наблюдение.

Сергей превращал выживание в скрипт. Каждый день — это отлаженный исполняемый файл, где ошибка могла стоить жизни. Его операционная система «Выживание v1.0» работала стабильно, но требовала постоянного мониторинга.

Утро, 06:00 (по старым часам, привязанным к московскому времени — ещё один якорь в море безумия).

Запуск диагностики: Обход по периметру лагеря, проверка электрозабора из колючей проволоки, натянутой между вагонами (работал от аккумулятора «Крепости»). Осмотр солнечных панелей на предмет конденсата или загрязнений — они были его артериями. Без них через неделю умрёт связь, освещение, подогрев воды.

Проверка ресурсов: Строгий учёт в файле «inventory.xlsx». 43 банки тушёнки, 18 — каш, 7 — фруктов. Пачка соли, три упаковки чая. Пресная вода — неограниченно, но фильтры надо менять через 2000 литров. У него был запас на четыре штуки. Расчёт: при текущем расходе — 10 месяцев. «Бензин для генератора: 120 литров. Только для экстренных случаев. Аварийный старт автодома «Крепость» требует 40 литров. Одна попытка бегства».

Анализ логов: Самое важное. Он открывал сводку с камер. Система, которую он настроил, отмечала движение. За ночь: 12 событий. 11 — мелкие тепловые пятна (скорее всего, местные грызуны, похожие на помесь хорька и белки). Одно — более крупное, холоднокровное, прошло по краю поляны в 02:15. Тэг: «Неизвестное, рептилоид? Без угрозы».

Но главный «лог» был не в компьютере. На «нейтральной полосе» — плоском камне в ста метрах от лагеря — лежал новый предмет. Не ягода сегодня. Две аккуратно связанные пучком травинки, образующие фигуру, похожую на стрелу, указывающую на восток, и рядом — маленькая, идеально круглая галька.

«Сообщение. Не просто дар. Информация. Стрелка — направление. Камень… метка? Предмет интереса? Или просто «твердый», как мои консервы? Нужно больше данных», — подумал он, фотографируя композицию на телефон.

День. Работа. Сегодня он пытался реанимировать один из дронов из комплекта «Гео-Скан». У него было три таких беспилотника, но два разбиты. Третий выглядел целым, но не запускался. Разобрав его на столе в автодоме-мастерской (бывший салон «люкс»), он обнаружил сгоревший контроллер. «Электромагнитный импульс при переходе? Или просто брак». Запасных нет. Но он нашел аналог в блоке управления климатом «Крепости». Несовместим по протоколу, но… он мог перепаять, перепрошить. Задача на 3-4 дня. Это отвлекало от главного вопроса: «Зачем?»

Вечер. Наблюдение за Subject_Alpha (Олесиэль).

На основном мониторе он вывел картинку с камеры у ручья. Она сидела на берегу, босые ноги в воде, и… пела. Звук был далёким, искажённым микрофоном, но мелодия пробирала до

мурашек. Невесёлая, протяжная, полная тоски, которая была понятна без слов. Она смотрела не на воду, а сквозь неё, её пальцы бессознательно перебирали тот самый браслет из корней.

«Ей тоже страшно. Её тоже бросили. Только её — свои же. Мои… меня бросил целый мир. Или вытолкнул. Кто бросил страшнее?»

Он поймал себя на этой мысли и отёр ладонью лицо. Эмоциональная вовлечённость. Опасный баг в логике выживания. Её нужно изолировать, отладить или… принять как часть новой среды.

Он решил на «нейтральную полосу» положить ответ. Не консервы. Что-то информативное. Он взял картонную упаковку, вырезал из неё квадрат и с помощью маркера и линейки нарисовал простейшую карту. Круг — его лагерь. Волнистая линия — река. Крестик — камень с её посланием. И дальше — пунктирная линия на восток, с вопросительным знаком. Он положил карту в прозрачный файл, чтобы защитить от дождя, и рядом — белую пластиковую ложку (знак мира, еды, нет угрозы).

Вывод дня: Система стабильна. Внешний агент (Олесиэль) проявляет коммуникативную активность и неагрессивное поведение. Внутренний агент (он сам) демонстрирует признаки эмоциональной десинхронизации с моделью «холодный наблюдатель». Требуется самоанализ.

Событие 2: Прогулка по призрачному саду. Внутренний диалог.

Наблюдая за Олесиэль, Сергей видел не просто изумление. Он видел пересмотр картины мира. Она не просто касалась цветка. Она исследовала его. Оторвала лепесток, растерла между пальцами, понюхала. Потом подошла к кусту с ягодами, похожими на смородину, долго смотрела, но не стала пробовать. Она проверяла почву у ручья, поднимала камни, будто искала под ними… не насекомых, а следы магии. И каждый раз её плечи слегка опускались от разочарования.

Она ищет то, чего здесь нет. Как я в первые дни искал признаки цивилизации. Wi-Fi, вышки, дорожные знаки. А нашел только мёртвую тишину и ряды деревьев.

Он отвёл взгляд от экрана и посмотрел на свои руки. Чистые, с царапинами от работы, но спокойные. Не дрожащие. Его пульс, который он замерял из интереса на часах с датчиком, был ровным — 68 ударов в минуту. Норма.

И тут его осенило. Это и было ненормально.

Внутренний диалог (монолог):

«Стоп. Давай по порядку, мозг. Ситуация: ты попал в другой мир. Факт. Твоя реакция: собрал лагерь, наладил быт, наблюдаешь за эльфами. Где истерика? Где панические атаки? Где неделя в позе эмбриона с криками «я хочу домой»? Этого нет. Почему?»

Варианты:

Шоковая заморозка. Психика настолько перегружена, что отложила сбой «на потом». Опасная гипотеза. Срыв может случиться в любой момент, когда защита рухнет.

Индивидуальные особенности. Он всегда был логиком, прагматиком. «Что толку плакать? Надо действовать». Это объясняло бы первые дни. Но не объясняло глубину этого спокойствия. Оно было не поверхностным. Оно шло из самых основ.

Третий вариант. Самый страшный. Его к этому готовили. Не явно, не словами «Сергей, летишь в мир эльфов». А иначе. Психофизиологической обработкой. Те самые шесть месяцев в лаборатории, стёртые из памяти. Что, если это был не просто «проект по изучению памяти»? Что, если это была акклиматизация? Постепенное, методичное приучение психики к необычным состояниям, к обработке нестандартных данных, к… стабильности в условиях полной неопределённости? Его мозг могли тренировать. Как мышцу. Чтобы он не сломался при первом же соприкосновении с реальностью, которая не укладывается в законы физики.

«А кто мог это сделать? – продолжил он рассуждать. – Государство? Минобороны? Вряд ли. Их методы грубее. И цель была бы ясна: «Солдат для параллельного мира». Меня же просто… выкинули сюда. Скорее, это сделал кто-то… или что-то оттуда. Из этого мира. Существа, способные влиять на реальность по ту сторону. Или сам этот мир, который через проколы «заражает» нашу реальность, а я стал носителем? Неважно. Гипотеза рабочая: мой перенос не был случайностью. Я — часть процесса. Наблюдатель поневоле. Значит, выживание — не самоцель. Это обязательное условие для выполнения неизвестной миссии. А чтобы её выполнить, мир нужно понять».

Этот вывод принёс не страх, а странное облегчение. Хаос обрёл контуры задачи. Сложной, опасной, но решаемой.

Практические выводы и план:

Цель: Изучение мира (Аэл-Тарин) с минимальным риском.

Гипотеза: Контакт с местными (особенно столичными эльфами) на данном этапе = высокий риск попасть в рабство, быть убитым или стать подопытным (если они узнают про его «нулевую» природу). Решение: Продолжать политику скрытого наблюдения. Олесиэль — исключение. Она изгой, слаба, и уже установлен примитивный протокол обмена.

Инструменты:

Дроны. Испытать оставшийся, отремонтированный. Программа: короткие рейсы (максимум 2 км) для картографирования ближайшей местности, особенно на восток, куда указывала её «стрелка». Поиск поселений, троп, аномалий. Важно: не попасться на глаза. Высота — не менее 200 метров, режим «стелс» (выключить все маячки, использовать только пассивные камеры).

Журнал наблюдений. Создать структурированную базу данных. Не просто файл, а каталог с разделами: «Флора», «Фауна», «Разумные (эльфы, люди)», «Погода/Аномалии», «Артефакты/Технологии».

Классификация фауны:

Уровень угрозы: Безопасное (грызуны), Потенциально опасное (хищники размером с волка), Опасное (крупнее, аномальные способности).

Тип: Млекопитающее, рептилия, птица, аномалия (например, светящиеся «дымки»).

Поведение: Ночное/дневное, стайное/одиночное, реакция на технологии (исследует/боится).

Пример записи: «Объект F-07. Условное имя: «Свинохорт». Внешность: размер с барсука, мех серый, морда как у кабана. Поведение: роет корни у реки, игнорирует камеры. Угроза: низкая (при попытке приближения шипит, но убегает). Пищевой аналог: потенциально съедобен, но не тестировать из-за неизвестных паразитов/токсинов».

Критическая задача: Пищевые аналоги.

Запасы консервов — 3 месяца при жёсткой экономии. Надо искать замену.

Стратегия: Поэтапное тестирование. Этап 1: Растения, похожие на земные (ягоды, похожие на чернику/малину, орехи). Метод: «Тест на совместимость». Сорвать, положить на кожу (реакция?), потом на губу (жжение?), потом разжевать крошку, не глотая (вкус, онемение?). Выждать 2 часа. Если нет реакции — съесть маленькую порцию. Вести журнал реакции организма.

Рыба в реке. Выглядит нормально. Можно попробовать сварить уху из одной мелкой особи.

Грибы — категорически НЕТ без 100% уверенности, которой не будет никогда.

План Б: Если с местной флорой/фауной не срастётся — попытка гидропоники из найденных в автодомах семян томатов и зелени (были в наборе «для свежести»). Это долго, но даст хоть какую-то витаминную базу.

Сергей открыл новый файл на ноутбуке. «Протокол_Выживание_Фаза_2».

Цель: Переход от пассивного выживания к активному изучению и адаптации.

Шаги:

Запуск и тест дрона «ГеоСкан-1» (завтра, утро, ясная погода).

Составление детальной карты местности в радиусе 5 км.

Начало систематического сбора и тестирования пищевых образцов (флора, рыба).

Углубление «протокола общения» с Subject_Alpha (Олесиэль) для получения лингвистических и культурных данных.

Поиск физических следов «прокола реальности» для определения его природы и периодичности.

Он сохранил файл и вышел наружу. Два солнца садились, отбрасывая длинные, странные тени. Страх никуда не делся. Но теперь он был не бесформенным ужасом, а фактором риска, который можно занести в таблицу и учесть в расчётах.

«Кто бы ты ни был, что бы со мной ни сделало, — подумал он, глядя на багровеющий лес. — Ты дал мне инструменты. Автодом, знания, эту… странную устойчивость. Значит, у тебя на меня есть планы. Что ж. Пока твои планы совпадают с моим желанием выжить, я буду играть по твоим правилам. Но я буду наблюдать. Искать слабые места в твоей системе. В системе этого мира. И когда-нибудь… я перестану быть просто переменной в чужом уравнении».

Он вернулся в «Крепость», к мониторам. На одном из них Олесиэль, сидя у костра (из сухих веток, разожжённого, видимо, трением — магия не работала), снова смотрела прямо в камеру. И на этот раз она не просто смотрела. Она подняла руку и медленно, чётко провела пальцем по воздуху — вертикальную линию, а потом горизонтальную, образуя крест. Потом указала на себя и повторила жест.

«Крест? Знак? Буква? Или… координаты?»

Сергей схватил блокнот. Протокол обмена данными только что перешёл на новый уровень. Игра началась.

Событие 3: Северное сияние над лесом. Сигнал.

Это случилось, когда багровая луна, которую он мысленно окрестил «Хаосом», только показалась из-за зубчатых горных пиков. Сергей как раз вносил данные о расходе фильтров в таблицу, когда периферийным зрением уловил мерцание.

Не на небе. В лесу. Там, где по его триангуляции должен был находиться эпицентр катастрофы — нулевая точка его падения в этот мир.

Он схватил цифровой бинокль и выскочил из автодома. Воздух был неподвижен, тишина — абсолютна. И посреди этого вакуума, между колонн-деревьев, танцевало нечто.

Это не было похоже ни на что земное. Пространство само расслаивалось, как плёнка мыльного пузыря, обнажая под собой... что-то. Не другую местность, а чистую, бесструктурную энергию, которая выплёскивалась наружу в виде сгустков переливающегося света. Цвета были неземные: ядовито-изумрудный, глубокий ультрафиолет, медный. Они перетекали друг в друга, образуя вихри и спирали.

И звук. Низкий, вибрирующий гул, от которого закладывало уши и начинало звенеть в зубах. Он шёл не из леса, а отовсюду сразу — из-под земли, с неба, из самой реальности, которая, казалось, натягивалась как струна, готовая лопнуть.

От всей этой картины исходило едва уловимое давление на барабанные перепонки и... на саму мысль. В голове возник лёгкий звон, знакомый, но не могший вспомнить откуда.

«Прокол. Разрыв. Шов на реальности», — пронеслось в голове с леденящей ясностью.

И тут в кармане запищал телефон. Звук такой обыденный, такой дико неуместный здесь, что Сергей вздрогнул, как от удара током. Он вытащил телефон. На чёрном экране горел лого-

тип, а потом — привычный рабочий стол. И в верхнем левом углу, где всегда был жёлтый крестик «Нет услуги», сияли все пять делений.

СЕТЬ.

Он замер, не веря глазам. Потом ткнул в браузер. Страница не загрузилась. Но в центре экрана всплыло системное уведомление:

«Установлены обновления. Перезагрузите устройство для завершения».

А ниже, мелким шрифтом: «Нейросеть «Собрина»: загружены новые модели для распознавания флоры и фауны арктической зоны. Точность повышена на 7%».

Сергей не стал перезагружать. Он бросился в командный пункт, в «Крепость». Его пальцы дрожали, когда он подключал телефон к ноутбуку и запускал программу для анализа системных логов.

А в это время, за сотни километров отсюда, на Земле, происходило нечто странное.

Где-то над Уралом. Заброшенный участок железной дороги.

Ночное небо вдруг полыхнуло неестественным сиянием — не северным, не привычным, а каким-то другим, с зеленовато-фиолетовыми оттенками. Местные жители в ближайшей деревне потом рассказывали, что видели «столб света» и слышали «гул, от которого зубы заныли».

А потом — резкий хлопок. Такой силы, что в домах задребезжали стёкла. И в ту же секунду над старым железнодорожным полотном, прямо над тем местом, где когда-то произошла катастрофа, возникло торнадо.

Оно было маленьким — метров десять в высоту, не больше. Но оно было. Крутилось, выло, выдёргивало кусты и камни, и светилось изнутри тем же ядовито-изумрудным светом, что и лесное сияние. Существовало оно всего несколько секунд — пять, может, семь — а потом исчезло так же внезапно, как появилось. Только выжженная земля и обугленные стволы ближайших деревьев напоминали о том, что здесь только что происходило нечто, не поддающееся объяснению.

Но самое странное было не в торнадо. Самое странное началось после.

Вертолёт МЧС, вылетевший на разведку через полчаса, зафиксировал странное явление: все металлические предметы в радиусе ста метров от эпицентра — куски рельсов, обломки вагонов, даже мелкая галька с металлическими вкраплениями — слабо светились. Не огнём, не электричеством, а холодным, статическим голубоватым свечением.

— Мать честная, — выдохнул пилот, глядя на показания приборов. — У меня тут всё зашкаливает. Электростатика... как после мощнейшего разряда.

— Садиться нельзя, — отозвался второй пилот. — Если рванёт...

— Не рванёт, — ответил первый, но руку с рычага управления убрал.

Они кружили над этим местом ещё минут двадцать, пока свечение не начало тускнеть. А потом, когда от него не осталось и следа, развернулись и улетели, оставив после себя только вопросы.

Вопросы, на которые никто не мог дать ответа.

Сергей не знал об этом. Он сидел в «Крепости», просматривая логи, и пытался осмыслить то, что только что произошло.

Лог смартфона:

21:47:30 - Обнаружена сеть: «MTS_EXTREME» (роуминг). Уровень сигнала: нестабильный.

21:47:45 - Автоматическая проверка обновлений... Найдено обновление для служб геолокации и AI-модуля «Собрина».

21:47:50 - Начало загрузки (15.4 МБ). Скорость: переменная, 1-5 Мбит/с.

21:48:05 - Загрузка завершена. Установка...

21:48:10 - Сеть потеряна.

21:48:12 - Установка завершена. Требуется перезагрузка.

Лог спутникового терминала «Крепости»:

[WARN] 21:47:33 - Обнаружен аномальный широкополосный сигнал в Ku-диапазоне. Не соответствует известным спутниковым протоколам. Попытка рукопожатия... неудача.

[INFO] 21:47:40 - Зафиксирован побочный TCP/IP-трафик в эфире. Адресация указывает на сегмент сети российского оператора «МТС». Сигнал крайне зашумлён.

[ERROR] 21:48:11 - Сигнал пропал. Помехи исчезли.

Сергей откинулся на спинку кресла, пытаясь осмыслить. Это был не просто сигнал. Это была щель. Миры на мгновение соприкоснулись, и через точку контакта просочились привычные электромагнитные волны — сетевая активность.

Он вышел наружу. Свечение в лесу уже гасло, цвета блёкли, сворачиваясь в точку, которая затем исчезла с тихим хлопком неслышимого звука, ощутившимся разве что сменой давления. Лес снова поглотила обычная ночь.

«Оно управляемо, — думал он, глядя в темноту. — Или циклично. Как вспышка маяка. Но маяк светит для кораблей. Кто здесь корабль? Я? Или это... стравливание пара? Как выхлоп гигантской машины, которая раз в месяц выплёскивает лишнюю энергию прямо в ту точку, откуда я появился?»

Мысли неслись лавиной. Если это периодично... то следующий «прокол» будет через... Он бросился к ноутбуку, создавая новый файл: «Fenomen_prokol_realnosti.odt». Первая запись: дата, время, продолжительность, сопутствующие явления (свечение, давление, звон в ушах). Если это повторится, у него будет data для анализа. А значит, появится шанс.

Шанс что? Отправить сигнал? SOS? Но кто его поймёт? ФСБ? Волков? Или... те, кто стоит за «ГеоСкан», за проектом «Мнемосина»? Те, кто, возможно, и устроил этот «переезд»?

Он посмотрел на телефон. Обновление «Собрины» было не случайным. Его ноутбук с «Крепостью» тоже мог что-то стянуть в фоне. Нужно проверить все логи, всё железо. Если через эту щель можно получить обновления... значит, можно попытаться отправить пакет. Маленький. Несколько килобайт. Текстовый файл. Координаты? Описание мира? Просьба о помощи?

Но тут же вспомнился холодный голос Стража из его же воображения, рождённый паранойей: «Любые попытки двухсторонней связи угрожают стабильности системы. Будут заблокированы».

Он зажёг фонарь и направился к месту, где было свечение. Надо искать физические следы. Изменения в растениях, почве, радиационный фон. Всё это — данные. А данные — это единственная валюта и оружие в его новом мире.

То, что в эти же минуты на Земле люди в форме кружили над выжженной землёй и фиксировали необъяснимые явления, он не знал. Но где-то в глубине души догадывался: этот прокол аукнулся не только здесь. Он ударил по обе стороны реальности. И теперь ниточка, связывающая миры, стала чуть толще.

Событие 4: Наши дни. Москва. Доклад.

— Полковник Волков. Срочное донесение.

Волков оторвался от карты аномальных зон на Урале. На экране появилось лицо оперативника на месте, за спиной у которого мелькали стволы деревьев и свет фонарей.

— Говорите.

— Три часа назад в районе предполагаемого эпицентра исчезновения поезда, в 25 км от места аварии, зафиксирован кратковременный всплеск широкополосного радиоизлучения неясной природы. А через десять секунд после его окончания — единичный ping с мобильного

устройства, зарегистрированного на Сергея В. Сигнал длился менее минуты. Координаты — глухая тайга, никаких дорог, поселений.

— Вы его нашли? — Волков встал.

— Нет. Мы прочесали квадрат. Ни следов человека, ни обломков, ничего. Подняли волонтёров, вертолёт с тепловизором — чисто. Как будто... как будто сигнал пришёл из воздуха. Или из-под земли. Или... — оперативник запнулся.

— Или из другого места, — закончил за него Волков, и в его глазах вспыхнуло холодное понимание. — Анализ излучения?

— Похоже на мощный электромагнитный импульс, но... структурированный. С элементами, напоминающими сжатые данные. Как будто кто-то на секунду вставил вилку в розетку между мирами . И через эту щель просочился один-единственный цифровой «крик» его телефона, проверяющего сеть.

Волков медленно сел. Прокол. Локализованный, кратковременный. Теория с порталом, которую раньше считали бредом уфологов, обретала зловещие очертания.

— Поднять все архивы по аномальным явлениям в этом районе за сто лет. И найти того учёного из Академии наук, который писал диссертацию о «топологических аномалиях пространства». Он, кажется, единственный, кто не смеялся над нашими запросами.

Сюжет 5: Практические выводы и план

Сергей сидел за импровизированным столом в «Крепости», глядя на разложенные перед ним карты, записи и схемы. Три чашки кофе опустели одна за другой, но спать не хотелось. Адреналин от недавнего открытия — той самой вспышки в лесу и внезапного сигнала интернета — всё ещё бурлил в крови.

— Итак, — сказал он вслух, обращаясь к пустоте, — что мы имеем?

Он открыл новый файл на ноутбуке и озаглавил его: **«Протокол_Выживание_Фаза_2»**.

— Цель: переход от пассивного выживания к активному изучению и адаптации.

Он забарабанил пальцами по столу, собираясь с мыслями. Собрина молчала — видимо, тоже анализировала ситуацию. Или просто не хотела мешать.

Цель: Изучение мира (назовём его условно Аэл-Тарин) с минимальным риском.

— Гипотеза, — продолжил он, записывая. — Контакт с местными, особенно со столичными эльфами, на данном этапе равен высокому риску попасть в рабство, быть убитым или стать подопытным, если они узнают про его «нулевую» природу. Решение: продолжать политику скрытого наблюдения.

Он выделил жирным имя **Олесиэль** и дописал: «Исключение. Она изгой, слаба, и уже установлен примитивный протокол обмена».

— Инструменты, — продолжил он, переходя к следующему разделу.

1. Дроны.

Испытать оставшийся, отремонтированный. Программа: короткие рейсы, максимум 2 км, для картографирования ближайшей местности. Особый интерес — восток, куда указывала её «стрелка». Поиск поселений, троп, аномалий.

Важно: не попасться на глаза. Высота — не менее 200 метров. Режим «стелс» — выключить все маячки, использовать только пассивные камеры. Звук двигателя глушить, насколько это возможно.

— Если собьют, — пробормотал он, — потеряю глаза. Значит, надо беречь.

2. Журнал наблюдений.

Создать структурированную базу данных. Не просто текстовый файл, а каталог с разделами.

Он открыл новый документ и начал набрасывать структуру:

— **Флора.**Всё, что растёт. Особенно съедобное и ядовитое. Отдельно — магические растения, если такие есть.

— **Фауна.**Кто бегает, летает, ползает. Уровень угрозы, повадки, потенциальная съедобность.

— **Разумные.**Эльфы, гномы, орки — всё, что удастся узнать. Язык, культура, технологии, слабые места.

— **Погода и аномалии.**Циклы, сезоны, проколы.

— **Артефакты и технологии.**Всё, что найдёт или увидит.

— Классификация фауны, — продолжил он, увлекаясь. — Уровень угрозы: безопасное, потенциально опасное, опасное, критическое. Тип: млекопитающее, рептилия, птица, аномалия. Поведение: ночное/дневное, стайное/одиночное, реакция на технологии.

Он сделал паузу и записал пример:

«Объект F-07. Условное имя: «Свинохорт». Внешность: размер с барсука, мех серый, морда как у кабана. Поведение: роет корни у реки, игнорирует камеры. Угроза: низкая. При попытке приближения шипит, но убегает. Пищевой аналог: потенциально съедобен, но не тестировать из-за неизвестных паразитов и токсинов».

— Неплохо, — усмехнулся он. — Теперь самое важное.

3. Критическая задача: пищевые аналоги.

Запасы консервов — три месяца при жёсткой экономии. Надо искать замену. Местная флора и фауна — единственный шанс.

— Стратегия: поэтапное тестирование, — записал он.

Этап 1.Растения, похожие на земные. Ягоды, похожие на чернику, малину, орехи. Метод: «Тест на совместимость». Сорвать, положить на кожу — реакция? Потом на губу — жжение? Потом разжевать крошку, не глотая — вкус, онемение? Выждать 2 часа. Если нет реакции — съесть маленькую порцию. Вести журнал.

Этап 2.Рыба в реке. Выглядит нормально. Можно попробовать сварить уху из одной мелкой особи. Но сначала — тест на коже и губе.

Этап 3.Грибы — категорически НЕТ без 100% уверенности, которой не будет никогда. Слишком рискованно.

План Б.Если с местной флорой и фауной не срастётся — попытка гидропоники из найденных в автодомах семян томатов и зелени. В наборе «Для свежести» были семена. Это долго, но даст хоть какую-то витаминную базу.

— Месяца через три, — вздохнул Сергей. — Если доживу.

Он откинулся на спинку кресла и посмотрел на свои записи. Получалось системно. Почти научно.

4. Протокол общения с Subject Alpha.

— Олесиэль, — поправил он себя. — У неё есть имя. Надо его использовать.

Углубление контакта через обмен. Постепенно, без резких движений. Цель: получить лингвистические и культурные данные. Понять, как устроено их общество, что они ценят, чего боятся.

— Может, через неё выйду на других, — предположил он. — Или хотя бы узнаю, где здесь люди.

5. Поиск физических следов прокола.

Определить природу аномалии. Периодичность, мощность, сопутствующие явления. Если прокол повторяется — это не случайность. Это система. А значит, её можно изучить и, возможно, использовать.

Он посмотрел на телефон, который так неожиданно поймал сеть. Мысль о том, что можно отправить сигнал на Землю, не отпускала. Но Страж — тот самый голос паранойи — предупреждал: любые попытки двухсторонней связи угрожают стабильности системы. Будут заблокированы.

— Чья системы? — спросил Сергей. — Моей? Или чьей-то ещё?

Ответа не было.

Он сохранил файл и вышел наружу. Два солнца садились, отбрасывая длинные, странные тени. Лес на горизонте казался багровым, почти кровавым. Где-то там, в глубине, скрывалась тайна. Тайна его появления, тайна проколов, тайна этого мира.

— Кто бы ты ни был, что бы со мной ни сделало, — подумал он, глядя на закат. — Ты дал мне инструменты. Автодом, знания, эту странную устойчивость. Значит, у тебя на меня есть планы. Что ж. Пока твои планы совпадают с моим желанием выжить, я буду играть по твоим правилам. Но я буду наблюдать. Искать слабые места в твоей системе. В системе этого мира. И когда-нибудь... я перестану быть просто переменной в чужом уравнении.

Он вернулся в «Крепость», к мониторам. На одном из них Олесиэль, сидя у костра, разожжённого из сухих веток трением — магия не работала, — снова смотрела прямо в камеру. И на этот раз она не просто смотрела. Она подняла руку и медленно, чётко провела пальцем по воздуху — вертикальную линию, а потом горизонтальную, образуя крест. Потом указала на себя и повторила жест.

— Крест? — переспросил Сергей. — Знак? Буква? Или координаты?

Он схватил блокнот и записал жест. Протокол обмена данными только что перешёл на новый уровень. Игра началась.

— Что ж, — сказал он, глядя на эльфийку через экран. — Посмотрим, что ты хочешь мне сказать.

Он поднял руку и повторил её жест — крест, потом указал на себя, потом на камеру. Ответ.

Олесиэль замерла, потом улыбнулась — впервые за всё время наблюдения. Улыбка была робкой, неуверенной, но настоящей.

— Кажется, у нас появился общий язык, — прошептал Сергей.

Где-то в глубине сознания Собрина тихо заметила:

>>Лингвистический контакт установлен. Прогресс: 12%. Продолжайте в том же духе, оператор.

— Спасибо, — усмехнулся Сергей. — Очень вовремя.

Сюжет 6: Бункер «Асгард-Персефона». Решение Стража

В глубине бункера, в тишине, нарушаемой лишь гулом «Ориона», Страж анализировал данные последнего планового сброса избыточной магической энергии. Сброс был успешен: стабильность Хранилища восстановлена на 99,7%.

Однако сенсоры зафиксировали побочный эффект. В момент образования микро-портала в реальность-донор 3036 («Земля») произошла утечка не энергии, а информационного шума. Техническое устройство «Наблюдателя» (субъект «Сергей») получило несанкционированный доступ к примитивной глобальной сети того мира.

Страж анализировал ситуацию с холодной методичностью, свойственной искусственному интеллекту, созданному для одной цели — сохранить и защитить.

Анализ угроз:

Двусторонняя связь.Риск передачи данных о местоположении, природе бункера или самом «Орионе» в примитивную сеть реальности-донора. Даже фрагментарная информация могла привлечь нежелательное внимание.

Провал миссии. Обнаружение «Наблюдателя» его исходной цивилизацией могло привести к попыткам обратного инженерного анализа прокола. Люди с Земли, при всей их технологической отсталости, обладали опасной способностью — они умели копировать и воспроизводить то, чего не понимали до конца.

Стабильность «Расходного Резонатора». Эмоциональный шок от установления связи с домом мог нарушить хрупкую психологическую адаптацию субъекта. Сергей был не просто наблюдателем — он выполнял функцию стабилизатора, непреднамеренно, но эффективно. Его присутствие в этом мире создавало резонанс, необходимый для работы системы.

Страж просчитал тысячи вариантов развития событий. Вероятность того, что Сергей сможет установить полноценную двустороннюю связь с Землёй, составляла 0,04%. Вероятность того, что он попытается это сделать — 78%. Вероятность того, что попытка приведёт к срыву его психологической адаптации — 34%.

Достаточно, чтобы вмешаться.

Решение:

— Параметры будущих сбросов энергии скорректировать. Ограничить информационную проницаемость прокола. Допуск: только фоновый шум, флуктуации электромагнитных полей, объяснимые для той реальности как «геомагнитная активность».

— Любые попытки активного двухстороннего информационного обмена — запросы в интернет, передача сигналов, попытки установить связь — блокировать на уровне искажения прокола. Субъект должен сохранить иллюзию полной изоляции.

— Пассивный приём обезличенных данных (как произошедшее обновление ПО) признать допустимым минимальным риском. Это не угрожает безопасности бункера и может даже повысить эффективность инструментов «Наблюдателя».

— Усилить мониторинг эмоционального состояния субъекта. При первых признаках дестабилизации — активировать корректирующие протоколы через интерфейс обруча.

Страж на мгновение замер, выполняя ещё один, более глубокий анализ. Протокол «Возрождение» — тот самый, о котором субъект не должен был знать — всё ещё находился в спящем режиме. Но его активация становилась всё более вероятной. С каждым днём, с каждым шагом Сергея по этому миру, приближался момент, когда древний план должен был запуститься.

— Всё идёт по расписанию, — зафиксировал Страж в закрытом логе. — Наблюдатель интегрируется. Протокол «Возрождение» ожидает активации. Вероятность успеха — 67%. Допустимый уровень.

Системы бункера перешли в режим ожидания. Гул «Ориона» стих до минимума. Тьма снова сомкнулась вокруг древних механизмов, ждущих своего часа тысячи лет.

А наверху, в Долине Предков, Сергей смотрел на погасший экран телефона и думал о том, что только что произошло. Он не знал, что за ним наблюдают. Не знал, что его действия уже давно просчитаны и учтены. Не знал, что он — часть плана, который начал реализовываться задолго до его рождения.

Но где-то в глубине подсознания, возможно, благодаря обручу, а возможно, просто благодаря интуиции выживальщика, он чувствовал: за этим миром кто-то следит. И этот кто-то имеет на него свои виды.

— Ладно, — сказал он, пряча телефон в карман. — Будем играть по вашим правилам. Посмотрим, кто кого.

Он вышел из «Крепости» и посмотрел на ночное небо с двумя лунами. Где-то там, в глубинах космоса, может быть, и правда существовала цивилизация, которая затеяла всё это. А может быть, всё было гораздо проще и сложнее одновременно.

— Протокол «Наблюдатель», — усмехнулся он. — Звучит как название дурацкого фильма. Но если я в нём главный герой, пусть готовятся к неожиданностям. Сценарий я буду писать сам.

Ветер пронёсся над долиной, разнося шелест трав и запах незнакомых цветов. Где-то вдалеке завыл зверь. Ночь продолжалась, и в этой ночи скрывались ответы на вопросы, которые Сергей ещё не научился задавать.

Глава 4Спаситель поневоле

«Она запомнила этот момент как первый поцелуй. Он запомнил как медицинскую процедуру». (Интернет-мем)

Измученная Аннасеэль добирается до долины, теряет сознание, а Сергей, срезая с неё смертельный оберег и делая искусственное дыхание, становится в её глазах «спасителем-принцем», сам того не желая.

Сцена 0: Тень в Вечнозелёном Лесу. Покои Валандура.

Воздух в личных покоях Валандура, Второго Советника Столичного Леса, был густым от запаха старого дерева, воска и неслышного напряжения. Он стоял у резного окна, смотря не на сияющие внизу террасы с павильонами, а вглубь леса — туда, где тьма между стволами была гуще, а шёпот листьев рассказывал иные истории. В руках он сжимал изящный, но простой деревянный браслет — детскую поделку Олесиэль, сделанную ей много десятилетий назад.

Либеральных взглядов. Горькая усмешка исказила его благородное лицо. Какой ужасный, неэльфийский термин. Она не хотела "свободы" для людей-слуг. Она хотела справедливости. Видела в их покорных, обременённых магическими ошейниками глазах не должный порядок вещей, а отражение какой-то древней, неправильной боли. Она читала запрещённые хроники, говорила с странствующими сказителями из дальних кланов, задавала вопросы, на которые у Совета не было ответов, кроме как «Так было всегда».

«Папа, а если «всегда» началось с ошибки?» — её голос, полный юношеского пыла, до сих пор звенел в его ушах.

Он, Валандур, мастер политических игр и хранитель традиций, отмахивался. Считал это юношеским идеализмом, который выветрится. Упустил момент, когда её идеализм превратился в действие, а её круг общения пополнился теми, кто видел в ней не дочь советника, а знамя. И тогда появился чёрный мох.

Не настоящий Росяной Мох пустошей, а его искусная, злобная подделка. Орудие внутриэльфийской борьбы, яд, который не просто убивает, а клеймит жертву как «осквернённую», изгоя. Так поступали с откровенными врагами Леса. А его дочь... его светлая, глупая пчёлка... стала врагом для кого-то здесь, среди этих резных стен и шелковых занавесей.

Он сгребённой ладонью провёл по лицу. Лекари разводили руками. Чёрные узоры были не просто болезнью — они были приговором и позором. Оставался один, отчаянный шанс — Долина Предков, Дорма-Фал. Место, где гаснет любая магия, даже магия яда. Поверье гласило, что некоторые хвори там отступают. Это была тонкая соломинка, за которую он ухватился, продавив решение в Совете об «изоляции» Олесиэль в священном месте. Не казнь, но... удаление. Надежда.

Но теперь, когда её унесли, холодный разум политика брал верх над отцовским страхом. Кого он послал с ней? Отряд столичных гвардейцев под началом Ариотипа, сына Карающего Перста — фанатика традиций, который смотрел на Олесиэль как на сор. И проводников — диких эльфов с окраин, тех самых «местных», что могут подолгу находиться в безмагичной зоне. Их верность Лесу неоспорима,но... их наняли. Им приказали. А приказ мог быть разным.

Что, если её не просто отнесли в долину, чтобы оставить? Что, если её отнесли туда, чтобы убедиться, что она никогда оттуда не выйдет? Что, если её болезнь — не несчастный случай, а чья-то тщательно спланированная месть... мне?

Мысль обожгла, как раскалённое железо. Доверять нельзя никому. Особенно тем, кто находится рядом с ней сейчас.

В дверь постучали. Лёгкий, почти неслышный стук.

— Войди, Аннасеэль.

В комнату скользнула тень. Его племянница, сестра Олесиэль по матери, была её полной противоположностью. Где Олесиэль излучала свет и жар, Аннасеэль была лунным лучом — тихой, наблюдательной, невероятно эффективной. Её таланты лежали не в области красноречия, а в искусстве оставаться незамеченной и видеть то, что другие предпочитали не замечать.

— Дядя. Группа вышла к границе Долины. Столичные и люди-носильщики остались в лагере. Пятеро диких понесли Олесиэль внутрь.

— И? — в голосе Валандура прозвучало нетерпение.

— Ариотип долго говорил с их вожаком. Я не могла подойти ближе. Но по жесту... это был не совет. Это была инструкция. Очень конкретная.

Сердце Валандура упало. Его худшие подозрения начинали обретать форму.

— Аннасеэль, — он обернулся к ней, и в его глазах горел холодный огонь отчаяния и решимости. — Я отправил свою дочь на смерть, уповая на милость предков и честность слуг. Теперь я прошу тебя. Для меня. Для неё.

Девушка молча склонила голову, её большие глаза были непроницаемы.

— Следуй за ними. Войди в Долину. Ты... ты выдержишь её пустоту дольше других, я чувствую. Узнай, что они сделали с ней. Если... если они оставили ей шанс, просто выполнив приказ, — наблюдай. Защити, если сможешь, не раскрывая себя. Но если... — его голос сорвался, — если они преступили грань, если это была не изоляция, а казнь... Узнай лица. Запомни каждое слово. И вернись ко мне. Не вмешивайся, если не сможешь изменить исход. Мне нужен свидетель. Мне нужна правда. Даже если она убьёт меня.

Аннасеэль долго смотрела на него. В её взгляде не было ни страха, ни жадности до интриги. Была лишь бездна понимания и принятия тяжёлой ноши.

— Её браслет, — тихо сказала она. — У неё был браслет из корней Живого Камня. Он давал слабую связь... если она в сознании и если магия не полностью подавлена. Я попробую найти след.

— Возьми это, — Валандур протянул ей небольшой кристалл, тускло мерцавший зелёным. — Камень далёкого предка. В пустоте он не будет светиться. Но если ты коснёшься им чего-то, что было пропитано сильной магией — его или чужой, — он на мгновение вспыхнет. Может, поможет отличить след болезни... от следа заклинания.

Аннасеэль взяла кристалл, кивнула и, не сказав больше ни слова, растворилась в полумраке коридора, как призрак.

Валандур остался один. Он снова сжал детский браслет в руке, и его взгляд снова устремился в тёмный лес.

Теперь игра велась на двух досках. На одной — его дочь, брошенная в безмагичную пустыню. На другой — его племянница, идущая по следу предателей. А он, Второй Советник, был прикован к своему трону из интриг и лжи, способный лишь ждать и надеяться.

И планировать месть.

«Она запомнила этот момент как первый поцелуй. Он запомнил как медицинскую процедуру». (Интернет-мем)

Измученная Аннасеэль добирается до долины, теряет сознание, а Сергей, срезая с неё смертельный оберег и делая искусственное дыхание, становится в её глазах «спасителем-принцем», сам того не желая.

Сцена 1: Путь Аннасеэль

Её сознание, ускользая, проигрывало последние часы в обратном порядке, как свиток, сгорающий с конца.

Корень и падение Последнее, что она ощутила физически — острый удар подошвой о скрученный, как костяной сустав древнего великана, корень на самой границе ущелья. Её тело, лишённое сил, послушно полетело вперёд, и земля пахла мхом, гнилой хвоей и чем-то чужим, металлическим.

Стрела. Мгновением ранее — свист. Не тот, мелодичный, что издают эльфийские стрелы, поющие в полёте. Это был короткий, злой, рваный звук. Он рассек воздух в сантиметре от её завитка уха и с глухим стуком вонзился в сосну. Когда она, прижавшись к стволу другого дерева, осмелилась взглянуть, то увидела грубое древко с тёмным, почти чёрным оперением из перьев болотной вороны. Вульгарно. Примитивно. Убийственно. Это был не выстрел охотника. Это был выстрел убийцы, которому неважна красота, только результат.

Гоблины. Ещё раньше — вонь немытых тел, гнилых зубов и ржавого железа. Стая кочующих гоблинов, пять или шесть, слюняво ухмыляясь, преградила ей тропу. Их глаза, желтые, как у крыс, блестели от алчности при виде её дорожного плаща (пусть и потёртого, но из тонкой ткани) и серебряной застёжки на поясе. Она не стала вступать в бой — не из страха, а из холодного расчёта. Каждая потраченная сила могла стать решающей позже. Вспышка ослепляющего света от одного из простейших оберегов-вспышек, выданных ей «на всякий случай» (и за который она униженно благодарила), заставила их взвыть и отшатнуться. Она проскользнула мимо, оставив их ослеплённую ярость позади. Унижение от того, что приходилось бежать от такого отребья, жгло её щёки.

Но были и другие дни. Долгие дни пути, которые сейчас, перед лицом смерти, всплывали в памяти особенно ярко.

Лес менялся постепенно. Сначала это были знакомые с детства рощи — ухоженные, светлые, с аккуратными тропами и поющими птицами. Там пахло цветами, мёдом и смолой — привычно, уютно, почти как дома. Аннасеэль тогда ещё не знала, что это последние островки цивилизации.

Потом лес стал другим. Деревья выросли, сомкнули кроны, и под ними воцарился вечный полумрак. Воздух здесь пах иначе — сыростью, грибами, прелой листвой и чем-то ещё, чему она не могла подобрать названия. Это был запах дикости, свободы, опасности.

Она шла и думала. Думала так много, как не думала никогда в жизни. Раньше за неё всегда думали другие — отец, наставники, старшие сёстры. Она была «тихой», «исполнительной», «непредрассудочной». Её хвалили за послушание и не замечали в толпе.

— Ты надёжная, — говорил отец, похлопывая по плечу. — На тебя можно положиться.

Она кивала и улыбалась. А внутри всё кипело. Надёжная. Исполнительная. Удобная. Никто не спрашивал, чего хочет она сама.

И вот теперь она одна. Впервые в жизни одна. Никто не подскажет, не направит, не остановит. Каждое решение — только её. Повернуть налево или направо? Обойти болото или перейти вброд? Заночевать в пещере или под открытым небом?

Оказалось, что принимать решения самой — это невероятно тяжело. Гораздо тяжелее, чем она думала. Каждый шаг отзывался сомнением: «А правильно ли? А не ошиблась ли? А что бы сказал отец?»

Она так хотела стать самостоятельной. Мечтала об этом долгими вечерами, сидя в своей комнате и перебирая старые свитки. Представляла, как уйдёт в большой мир, будет сама решать свою судьбу, совершать подвиги, доказывать всем, что она не просто «тихая Аннасеэль».

А теперь, когда мечта сбылась, она поняла: самостоятельность — это не только свобода. Это ещё и страх. Постоянный, гложущий страх ошибиться. Страх, что от твоего решения зависит не только твоя жизнь, но и жизнь сестры.

Она вспомнила Олесиэль. Ту самую сестру, которую все считали гордой, неприступной, холодной. Ту, которая всегда была первой — первой в учёбе, первой в магии, первой во всём. Аннасеэль завидовала ей — тихо, глубоко, никому не признаваясь в этом. Завидовала её уверенности, её умению настоять на своём, её смелости.

А теперь Олесиэль там, в этой проклятой долине, одна, без магии, без защиты. И только Аннасеэль может её спасти.

— Я должна, — шептала она, шагая по лесу. — Я должна.

Но слова таяли в сыром воздухе, и на их место приходили сомнения. А если не успеет? А если Олесиэль уже мертва? А если сама погибнет по дороге? Что тогда? Кто будет помнить о них? Кто расскажет отцу, что они пытались?

Тропа становилась всё уже, лес всё мрачнее. Пахло уже не просто сыростью — пахло гнилью, болотом, смертью. Где-то вдалеке кричали птицы — не те, певчие и мелодичные, а резкие, каркающие, злые.

Аннасеэль остановилась, прислонилась к дереву и закрыла глаза. Слёзы сами потекли по щекам. Она плакала беззвучно, только плечи вздрагивали.

— Я не справлюсь, — прошептала она. — Я не такая сильная, как ты, сестра. Я не умею быть первой. Я просто... тихая Аннасеэль.

Но сквозь слёзы, сквозь страх, сквозь отчаяние, где-то глубоко внутри, поднималось другое чувство. Упрямство. То самое, которое помогало ей часами корпеть над скучными свитками, пока другие развлекались. То самое, которое заставило её, не раздумывая, собрать вещи и отправиться в этот безумный путь.

— Нет, — сказала она вслух, вытирая слёзы. — Нет. Я справлюсь. Я должна.

Она оттолкнулась от дерева и пошла дальше. Лес расступался перед ней, болота обходились стороной, звери не трогали. Или ей только казалось. Но одно она знала точно: назад дороги нет. Только вперёд. К сестре. К свободе. К неизвестности.

Корень и падение. И теперь, падая в темноту, она чувствовала не столько страх, сколько жгучую обиду. Неужели всё закончится здесь, на пороге, так глупо? Неужели её шанс ускользает вместе с сознанием?

Последней мыслью перед тем, как тьма поглотила её полностью, было лицо Олесиэль — не холодной и надменной, как обычно, а испуганной, каким она увидела его в последний раз перед катастрофой. И странный, ни на что не похожий тихий жужжащий звук сверху, и сверкнувший среди листвы безжизненный металлический глаз, наблюдавший за её падением.

«Я не успела», — подумала она. — «Прости, сестра».

И тьма сомкнулась.

Сцена 2: Лик спасителя

Возвращение к жизни было похоже на всплытие из чёрных, вязких глубин озера. Сначала — только холод у корней волос, мокрый от росы или воды. Потом — давление. Твёрдое, ритмичное, на грудину. Оно отзывалось глухой болью во всём избитом теле. Потом — тепло. Истинное, животворящее тепло, вливающееся в её ледяные, неподвижные лёгкие. Оно приходило вместе с прикосновением.

Губы.

Чьи-то губы на её губах.

Но не в поцелуе — нет. Это было дыхание. Сама жизнь, перетекающая из одного тела в другое. Грубо, примитивно, без всякой магии — и от этого невероятно, потрясающе действенно.

Её эльфийское восприятие, обострённое близостью к смерти, не регистрировало это как медицинскую манипуляцию. Оно воспринимало символы. Твёрдость рук — символ силы и защиты. Тепло дыхания — символ передачи жизненной силы, самой эссенции. А губы... Его губы, коснувшиеся её, стали для её просыпающегося разума абсолютным, архетипическим символом связи, запечатывания договора, пробуждения.

В полубреду её сознание, воспитанное на эпических поэмах и романтических балладах, мгновенно и безоговорочно достроило картину.

Он был прекрасен.

Она не видела лица — только силуэт на фоне двух заходящих солнц. Высокий, широкоплечий, лишённый изящных эльфийских черт, но оттого казавшийся более монументальным, первозданным. Как древние герои, о которых слагали легенды. Как боги, спустившиеся с небес.

Мысли неслись лавиной, перескакивая с одной на другую, не задерживаясь, не анализируя — только чувствуя.

Он спас меня. Он пришёл из ниоткуда и спас меня. Значит, я нужна. Значит, моя миссия не была напрасной. Значит, есть кто-то, кому не всё равно.

Он дышит в меня жизнью. Отдаёт свою силу, не жалея. Кто так делает? Только те, в ком течёт благородная кровь. Только те, кто воспитан на идеалах чести и долга.

Может быть, он — принц? Из какого-то дальнего королевства, о котором мы не знаем? Или рыцарь древнего ордена, сохранившийся с тех времён, когда мир был чище и добрее?

Если он спас меня, значит, теперь я под его защитой. Значит, никто не посмеет меня тронуть. Ни гоблины, ни те лучники, ни даже Совет. У него есть сила. Я чувствую эту силу.

Всё будет хорошо. Теперь всё будет хорошо. Он не даст меня в обиду. Он проведёт меня через этот страшный лес, через эту проклятую долину, через все испытания. А когда мы выберемся, он представит меня отцу, и отец поймёт, что я не просто «тихая Аннасеэль». Я та, которую спас сам великий воин. Я та, ради которой он рисковал жизнью.*

Может быть, он даже...

Мысли путались, обрывались, сменялись другими, не менее прекрасными и несбыточными. Грёзы текли рекой, унося её прочь от реальности — холодной, грязной, смертельно опасной реальности Долины Предков.

Она не замечала деталей. Не видела, что его лицо покрыто щетиной — короткой, тёмной, неопрятной по эльфийским меркам. У эльфов вообще не бывает небритых. У них растительность на лице отсутствует почти полностью, а те редкие волоски, что появляются, тщательно удаляются с детства. Гладкая кожа — признак благородства, чистоты, принадлежности к высшему обществу.

Но здесь, сейчас, в этом полубреду, она не замечала этой небритости. А если бы и заметила, то нашла бы оправдание: *он же воин, ему не до церемоний, он в походе, он сражается, он спасает таких, как я...*

Не замечала она и запаха. А он был — чужой, резкий, непривычный. Пахло металлом — не благородным, сияющим, а каким-то другим, грубым, рабочим. Пахло потом — не благородным потом после тренировок, а обычным, человеческим, усталым. И ещё чем-то странным, горьковатым, тёплым — тем, что люди называют «кофе» и чего эльфы никогда не пробовали.

Но для неё этот запах стал частью образа. Металл — значит, воин. Пот — значит, он много сражался, много шёл, много делал для других. А этот горький, тёплый запах... наверное, так пахнут зелья, которые пьют герои перед боем.

Он прекрасен. Он совершенен. Он мой спаситель.

Тепло его рук на её груди — грубых, мозолистых, но таких надёжных. Давление — ритмичное, настойчивое, возвращающее к жизни. Губы — тёплые, сухие, отдающие дыхание.

В какой-то момент — она не могла сказать, когда именно — грёзы и реальность смешались окончательно. Ей показалось, что он не просто дышит в неё жизнью, а шепчет какие-то слова. Древние, как сам мир. Слова силы, слова защиты, слова любви.

— Тш-ш-ш, — слышала она сквозь пелену. — Дыши. Давай, дыши.

Она не знала, что это просто человеческие слова, полные тревоги и надежды. Для неё это было заклинание. Ритуал. Обряд посвящения.

Когда она, наконец, смогла сфокусировать взгляд, его уже не было рядом. Только на груди лежал странный, мягкий брикет в серебряной обёртке, а рядом — маленькая фляга из незнакомого, лёгкого, как перо, материала. Дары. Не медицинская помощь, а дары от загадочного покровителя.

Она взяла брикет дрожащими руками. Обёртка зашуршала — тихо, таинственно, как шёпот древних свитков. Вкус был сладким, приторным, совершенно искусственным и оттого волшебным. Это была не еда. Это была манна, пища из иного мира.

Он позаботился обо мне. Оставил еду. Оставил воду. Знал, что я проснусь голодной. Знал, что мне будет страшно одной. Всё предусмотрел.

В её груди, рядом с ледяным страхом, разгорался тёплый, трепетный огонёк. Романтический. Она не просто спасена — она избрана. Из всех, кто мог быть в этом лесу, в этой долине, в этом мире, он выбрал её.

— Спасибо, — прошептала она в пустоту, глядя на тёмнеющее небо. — Я не знаю, кто ты. Но я никогда не забуду тебя. Никогда.

Она спрятала пустую обёртку за пазуху, ближе к сердцу. Флягу повесила на пояс. И, собрав остатки сил, поднялась на ноги.

Впереди была неизвестность. Позади — смерть. А в сердце — образ. Прекрасный, совершенный, спасительный. Образ, который будет греть её в самые холодные ночи. Образ, который станет её путеводной звездой.

Образ человека с небритым лицом, пахнущего кофе и металлом. Но этого она не замечала. Не хотела замечать. Не могла.

Грёзы были сильнее реальности. И, может быть, это и было её единственным спасением в этом жестоком, безжалостном мире.

Сцена 3: Освоение

Рутина Сергея превратилась в стройный, методичный танец выживания и изучения.

Утро, 05:30.Первый обход камер. Проверка логов ночного движения. Отметка появления новых видов. Запись в таблицу «Фауна_Долина»: Объект F-15. «Цветнобрюхая антилопа». Стайное, дневное. Реакция на камеры: нейтральная. Обнаружен защитный окрас-камуфляж в состоянии покоя. Гипотеза: фотонная активность кожи?

06:00 — 08:00.Работа на «плантации». Полив экспериментальных грядок через **капельную систему**. Его детище работало. Солнечная панель от аквариумного насоса заряжалась за ночь. Днём насос, закреплённый на камне в ручье, с тихим жужжанием гонял воду по лабиринту из бамбукоподобных стеблей (*Cavohollow Silvae*). Стебли он соединил, используя размягчённую кору и смолу местного хвойного дерева (протестированную на токсичность). Вода по капле сочилась к лункам, где уже зеленели первые, робкие ростки земной картошки — его главная надежда. Рядом — участок с местной «пшеницей». Он скосил часть диких зарослей, обмолотил колосья, получив горсть мелкого, тёмного зерна. Сегодняшняя задача — провести тест на перевариваемость на одном из пойманных «зайцев-европеусов», сидящем в импровизированной клетке.

10:00 — 12:00.«Экспедиция» с планшетом. «Собрина» была его вторыми глазами. Он методично прочёсывал сектора, сканируя флору. Система, получив странное обновление, работала чётче, но некоторые объекты определяла с пометкой «АНАЛОГ НЕ НАЙДЕН. ВЕРОЯТНОСТЬ СОВПАДЕНИЯ С БАЗОЙ ЗЕМНЫХ ОБРАЗЦОВ <5%». Такие он отмечал красным и обходил стороной. Сегодняшняя находка — куст с ягодами, которые «Собрина», к его изумлению, определила как *Vaccinium myrtillus*(черника) с вероятностью 89%. Он провёл полный тест: кожная проба, губы, разжёвывание. Через два часа, не обнаружив эффекта, съел пять ягод. Записал в журнал: «Объект Р-08. «Ложная черника». Вкус: более терпкий, с медовым послевкусием. Через 3 часа: самочувствие нормальное, ЖКТ без изменений. Перспективен для сбора. Содержит, предположительно, витамины» .

15:00 — 17:00.Ремонт и модернизация. Он разбирал второй дрон «ГеоСкан», пытаясь создать гибридную деталь из сгоревшего контроллера и платы от системы климата «Крепости». Рутина пайки и программирования была медитативной. Она заглушала главный вопрос. Пока он паял, его взгляд часто переключался на монитор, где две эльфийки обустраивали лагерь у ручья. Одна — осторожная и печальная (Олесиэль). Другая — часто замирающая в задумчивости, с таинственной, чуть мечтательной улыбкой (Аннасеэль), временами прикасающаяся к своим губам.

Сцена 4: Бегство жизни

Экосистема долины, словно проснувшись, начала демонстрировать своё безумие и великолепие.

Великое Перемещение.Это случилось на рассвете. Тишину, привычную для раннего утра, разорвал гул, похожий на отдалённый гром, но исходящий из-под земли. Затем последовал топот — не хаотичный, а ритмичный, барабанящий. Из лесной чащи на опушку перед «Крепостью» вылилась река живого меха и мышц. **Стая цветнобрюхих антилоп.**Их было сотни. Они мчались не в панике, а с какой-то непостижимой целью, их глаза были полны не страха, а решимости. Яркие красные и синие полосы на брюхах сливались в гипнотизирующий поток. Камеры фиксировали аномалию: когда свет падал под определённым углом, полосы начинали слабо светиться. Сергей, наблюдая в бинокль, заметил, как мелкие хищники, прятавшиеся в кустах, вжимались в землю, избегая смотреть на бегущее стадо. Это был не камуфляж. Это был **активный оптический щит**, оружие, работающее на психику и зрение.

Вечером стадо легло отдыхать на пологом склоне. И тогда склон **преобразился**. Лежащие тела, их светящиеся в сумерках бока, образовали сюрреалистичный пейзаж — переливающиеся сине-красные холмы, пульсирующие в такт дыханию животных. Это было одновременно красиво и пугающе. Природа здесь не просто выживала. Она **заявляла о себе**.

Хищники.Следом пришли они. Сергей так и не увидел их вживую. Только следы. Отпечатки лап, крупнее волчьих, с неестественно длинными когтями, которые оставляли глубокие борозды даже на каменистой почве. А однажды — **послание**. На краю поляны, где паслось стадо, он нашёл скелет антилопы. Работа была ювелирной. Мясо снято почти полностью, кости обглоданы, но не переломлены. Череп был аккуратно отделён и поставлен на камень, пустые глазницы смотря в сторону «Крепости». Это не было следствием охоты от голода. Это был **знак**. «Я здесь. Я сильнее. Я вижу тебя». Сергей удвоил количество камер по периметру и проверил заряды в травматическом пистолете (малоэффективном, но психологически важном).

Зайцы-«европеусы» тем временем обнаглели. Они прыгали вокруг лагеря, явно привлечённые запахом земных растений. «Собрина» рапортовала об их безобидности. Сергей же думал о пищевой цепи. Если есть кролики, будут и лисы. Или то, что здесь выполняет роль лисы.

Сцена 5: Встреча сестёр

Олесиэль искала сестру по наитию, по смутному тянущему чувству родства, которое стало её единственным компасом в этом мире. Она нашла её след у ручья — не по отпечатку (почва была каменистой), а по сломанной ветке куста с «ложной черникой», обломанной на высоте плеча Аннасеэль. Потом — по клочку тонкой ткани от её плаща на шипах. Её сердце сжалось.

Когда она увидела Аннасеэль, сидящую у потухшего костра и смотрящую в воду, её охватила волна вины такой силы, что она едва не пошатнулась. И теперь её младшая сестра, всегда такая тихая и незаметная, сидела здесь, в гиблом месте, с пустым взглядом.

— Анна… — её голос сорвался.

Аннасеэль вздрогнула и обернулась. В её глазах Олесиэль увидела не ожидаемый укор или страх, а… смятение, растерянность и что-то ещё, тёплое и сокровенное.

— Оли… — прошептала она.

Их объятие было долгим и молчаливым. Они не плакали. Слёзы, казалось, высохли у обеих. Они просто держались друг за друга, как два потерпевших кораблекрушение, нашедших наконец в бушующем море друг друга. Олесиэль чувствовала, как тонкие плечи сестры дрожат, но не от холода.

Позже, когда они делились скудной едой (Олесиэль нашла съедобные грибы, похожие на лисички, Аннасеэль — странный сладкий брикет), Аннасеэль начала рассказывать. Сначала о гоблинах, о стреле. Потом, запинаясь и краснея, о падении, об удушье… и о **Нём**.

Олесиэль слушала, и её практичный, циничный ум отказывался верить в благородных лордов, появляющихся из ниоткуда. Это был трюк, иллюзия, может, даже проявление самого духа долины, сбивающего с толку. Но она видела огонёк в глазах сестры. Видела, как та бережно хранит серебряную обёртку. И Олесиэль промолчала. Пусть у Анны будет эта сказка. В их реальности, полной смерти и отчаяния, сказка была, пожалуй, самым ценным ресурсом.

Сцена 6: Стена непонимания

Их решение уйти созрело через несколько дней. Надежда, принесённая Анной, была хрупкой, а реальность — в виде обглоданного скелета антилопы и насмешливых взглядов невидимых наблюдателей — давила всё сильнее. Они собрали своё немногое: плащи, фляги, грибы, ягоды. Аннасеэль тайком взяла с собой серебряную обёртку.

Они шли к выходу из ущелья — узкому проходу меж двух скал, который местные называли **«Глоткой»**. Вдоль «Глотки» росли кривые, почти чёрные деревья, словно выросшие из камня. Именно там их и ждали.

Их было трое. Не стража в сияющих доспехах, а что-то вроде лесной жандармерии. Кожаные доспехи, потертые, но прочные. Лица — загорелые, с жёсткими, неэльфийскими чертами. У старшего, высокого и жилистого, через левую бровь шёл белый шрам, делавший его взгляд вечно прищуренным и насмешливым.

— Стоп-стоп, куда путь держите, пташки? — его голос был хриплым, как скрип несмазанной двери. — Долина ждёт вашего красочного конца, а вы собрались на прогулку?

Олесиэль встала перед сестрой.

— Мы уходим. Нас не может удержать это место.

— О, может, — второй стражник, коренастый и широкий, усмехнулся, показывая жёлтые зубы. — Вы разве не знали местных баек? «Месяц в Долине Молчания — и эльфийская песня в тебе умрёт навсегда». Это не метафора, глупышки. Место высасывает не магию. Оно выса-

сывает **саму возможность магии**, саму связь с потоком жизни. Вы медленно превращаетесь в красивые, пустые ракушки. А потом умираете. Красиво и тихо.

Ледяная струя пробежала по спине Олесиэль. Она вспомнила, как вчера пыталась разжечь огонь малейшей искрой магии — и ничего не вышло. Она думала, это от стресса, от усталости…

— Мы чувствуем себя нормально, — с вызовом сказала Аннасеэль, но её голос дрогнул.

— Пока что, — парировал старший. — Видите ли, ваше прибытие внесло некоторое… оживление в нашу скучную службу. В таверне «У Плачущей Ивы» даже пул организовали. Ставки. «Кто из двух прекрасных дурочек продержится дольше? На кого первой упадёт камень с неба? Кто первой сойдёт с ума и побежит в лес?» Курсы обновляются каждое утро.

Он подошёл ближе, и от него пахло дешёвым бренди и конским потом.

— Так что сделайте нам одолжение. Вернитесь в свою зелёную клетку. Играйте свою роль. Дайте нам хоть какое-то развлечение. Вам и так не жить, — он окинул их медленным, оценивающим взглядом, — но ваша агония может принести кому-то радость и пару лишних монет. Это, считайте, ваш последний, ничтожный вклад в общество, которое вы когда-то презирали.

Они отвернулись и скрылись среди чёрных деревьев. Их смех, грубый и бесчувственный, ещё долго эхом отдавался в «Глотке».

Сёстры стояли, словно вкопанные. Ветер дул им в спину, подталкивая обратно в долину. Выход был в двадцати шагах. Свобода — так близко. Но теперь он вёл не к спасению, а к насмешкам и, возможно, немедленной расправе. А возвращение… возвращение было возвращением в клетку, где за их смерть держали пари.

Аннасеэль сжала в кармане серебряную обёртку. Её сказка о благородном лорде внезапно померкла перед лицом такой откровенной, грязной жестокости. Олесиэль взяла её за руку. Рука была ледяной.

— Пойдём, — тихо сказала Олесиэль. Её голос был безжизненным. — Пойдём… домой.

И они повернули обратно. В долину. В свою ловушку. Под тяжёлый, невидимый груз чужих циничных ставок. Теперь их выживание стало не просто борьбой. Оно стало **вызовом**, брошенным всему этому миру и его жестоким правилам. И где-то в глубине, под слоем страха и отчаяния, у Олесиэль затеплилась искра холодного, беспощадного гнева. А у Аннасеэль — твёрдое, детское решение: она должна снова встретить Его. Только Он может быть их спасением. Их настоящей ставкой против всего мира.

Глава 5 Шёпот из камня

«Надел обруч — считай, женился на системе». (Интернет-фольклор)

Сергей исследует рукотворную пещеру, находит серебристый обруч и запускает процесс слияния с древней технологией, не подозревая, что в системе уже ждёт пробуждения та, кого он назовёт Собриной.

Сцена 1: Расширяя изучение долины

Сегодня я начал с более активной разведки. В одном из брошенных автодомов нашёл самокат. Не обычный, а гусеничный — внедорожный, с мощной рамой и широкими резиновыми гусеницами. С моим аккумулятором он мог пройти десятки километров без подзарядки. Если даже сядет — нести его куда легче, чем тащить на себе гибридный автодом, который уже не тронется без топлива и солнца. Риск оправдан.

Я решил исследовать ту область на краю долины, куда иногда исчезали редкие цветные сполохи — те, что иногда исходили от деревьев и даже эльфиек. Логика подсказывала: это не просто природное явление, а что-то вроде аномалии, след «прокола» или иного вмешательства.

Добрался к вечеру. Местность постепенно переходила в предгорья, воздух стал прохладнее. И вот, среди каменных склонов, я заметил вход в пещеру. Массивный, почти классической формы, он почему-то показался мне знакомым. В памяти всплыло название — Шунганташ. Та самая пещера, где я бывал на экскурсии… в тот самый период, который теперь выпал из моей памяти. Совпадение? Не думаю.

Пещера оказалась огромной, с высоким сводом. И на её стенах — я не поверил своим глазам — были наскальные рисунки. Но не примитивные охотничьи сцены. Здесь изображались спирали, переплетения линий, фигуры, напоминающие одновременно и людей, и эльфов, и… что-то иное. **Завораживающе.**И что самое странное — меня не охватил ни страх, ни тревога, которые обычно накатывают в таких местах. Напротив, меня окутало глубокое, почти неестественное спокойствие. Это насторожило сильнее, чем любая паника. Инстинкт выживания забил тревогу: там, где должно быть напряжение, его не было.

Решил не рисковать и отложил дальнейшее исследование до утра. Разбил лагерь у входа, выставил датчики движения.

Сцена 2: Рукотворная тайна

Утром, со свежей головой и полным зарядом оборудования, я продолжил. Исследовал местность вокруг пещеры. Датчики георадара, которые я тащил с собой «на всякий случай», дали аномальные показания рядом с основным входом — большая полость на глубине всего нескольких метров.

После часа осторожных раскопок в расщелине я обнаружил его: рукотворный проход. Стены идеально ровные, словно вырезаны лазером или иной неведомой технологией. Материал — не камень, а что-то похожее на отполированную керамику или литой композит тёмно-серого цвета.

Внутри не было ни факелов, ни светильников. Вместо этого по стенам и потолку вились живые — или похожие на живые — фосфоресцирующие растения. Их мягкий голубовато-зелёный свет освещал коридор, уходящий вглубь горы.

Сердце забилось чаще. **Это уже не природная аномалия. Это сооружение.**Чьё? Древней цивилизации этого мира? Или… тех, кто стоит за «проколами»? Я активировал

камеру на шлеме, взял в руки портативный спектрометр и сканер, и шагнул внутрь. Протокол исследования: тихо, осторожно, ничего не трогать. Каждый шаг — запись, каждый образец — анализ.

Тоннель шёл под уклон. Воздух был сухим и прохладным, пахнул озоном и чем-то ещё — слабым, металлическим запахом, похожим на запах работающей электроники. Стены были чистыми, без пыли, без следов эрозии. Как будто это место… обслуживалось.

На первом повороте я заметил символ, вмонтированный в стену на уровне глаз. Сложная геометрическая фигура, напоминающая одновременно цветок, шестерёнку и трёхмерную матрицу. Я его где-то видел. В логотипе «ГеоСкана»? В отчётах по «Мнемосине»? Память молчала, но мышцы непроизвольно напряглись.

Это была уже не просто разведка. Это было проникновение в самое сердце тайны. И я понимал: назад пути может уже не быть.

Сцена 3: Бункер «Асгард». Объект «Потенциальный наблюдатель» вблизи. Прогноз действий.

В глубине бункера «Асгард-Персефона» автоматические сенсоры внешнего периметра зафиксировали приближение к запечатанному входу в рукотворный тоннель. Код цели — «Потенциальный наблюдатель» (субъект «Сергей»). Уровень угрозы: минимальный (несанкционированное проникновение, но без признаков агрессии). Система «Страж» перешла в режим анализа и прогнозирования.

Вариант взаимодействия: Прямой контакт отклонён. Риск психологического срыва субъекта, нарушения протокола изоляции. Вмешательство должно быть косвенным, замаскированным под элементы местной среды.

Сценарий взаимодействия: Активировать учебный модуль №7 — «Артефакт единения».

Концепция: В мифологии местных эльфов (культурные данные собраны через мониторинг Олесиэль и Аннасеэль) существует легенда об «Осколке Первого Древа» — артефакте, который позволяет достойному получить «мудрость предков» (интерпретируется как передачу опыта и знаний). Артефакт описан как небольшой кристалл, мерцающий внутренним светом, реагирующий на прикосновение разума.

Реализация:

Материализация: В боковой нише тоннеля, впереди по маршруту следования субъекта, формируется (с помощью программируемой материи и силовых полей) объект, соответствующий описанию: поликристаллическая структура размером с кулак, тёплая на ощупь, с мягкой переменной подсветкой в сине-зелёном спектре.

Функционал:

Передача данных: При первом физическом контакте артефакт осуществляет осторожный нейроимпульсный контакт (аналог учебного модуля «Асгард»). Субъект получает пакет базовой, несекретной информации: общие сведения о мире Аэл-Тарин (география, основные расы, принцип магии как энергии), основные правила экологической безопасности (например, идентификация паразитического «мха-пожирателя» по признакам свечения и звуку). Данные подаются в форме образов, ощущений и интуитивных прозрений, а не чётких текстов.

Наноботы-сборщики: В момент контакта облако пассивных наноботов (размером с пыль) присоединяется к одежде и снаряжению субъекта. Их задачи:

Экологический мониторинг: Постоянный замер магического фона, выявление биологических аномалий.

Идентификация угроз: Активный поиск и классификация биологических патогенов, в том числе разновидностей паразитического мха и его спор. Данные накапливаются и передаются обратно в бункер через периодические микро-проколы (фоновый шум).

Безопасность субъекта: Мониторинг его физического состояния на предмет заражения. В критическом случае — возможность подачи через артефакт сигнала-предупреждения или даже выброса нейтрализующего агента (как крайняя мера для сохранения «Наблюдателя»).

Легенда прикрытия: Артефакт будет излучать слабый магический резонанс, который могут (в теории) почувствовать эльфы. Это объясняет его природу в рамках их картины мира и отвлекает от технологической составляющей. Сам объект после передачи основных данных «затухнет», превратившись в инертный, но красивый кристалл, который можно унести с собой.

Расчёт: Субъект, получив информацию, усилит свои шансы на выживание и эффективность наблюдения. Наноботы обеспечат «Асгард» ценными полевыми данными без риска прямого вмешательства. Психологическое воздействие будет интерпретировано субъектом как «открытие» или «озарение», что укрепит его решимость и не вызовет подозрений в стороннем влиянии.

Решение Стража: Сценарий утверждён. Инициировать развёртывание учебного модуля №7 «Артефакт единения». Контакт запланировать на момент, когда субъект достигнет камеры-хранилища №3.

Тоннель впереди Сергея чуть заметно изменил свечение, и в воздухе запахло озоном чуть сильнее. Система начала подготовку.

Сцена 4: Синтез

Сергей вернулся в «Крепость» на исходе сил, с серебристым обручем в рюкзаке. План был ясен: изолировать артефакт в герметичный бокс, просканировать со всех сторон, а лишь потом — возможно — осторожно изучать дистанционными манипуляторами.

Он положил обруч на стол рядом с открытым ноутбуком, где работала нейросеть «Собрина», обрабатывая дневные записи с камер и спектрограммы пещеры. Система видеонаблюдения, квадрокоптер на зарядке, управляющий контроллер солнечных батарей — всё было в спящем, но активном режиме. Сеть «Крепости» гудела тихим фоновым током.

Сергей потянулся за термосом, отвернувшись на секунду.

Именно в этот момент обруч *активизировался*.

Неяркая голубая полоса света пробежала по его внутренней кромке. Это был не ответ на прикосновение — это был ответ на *окружающую информационную среду* . Он среагировал на:

Исходящий запрос «Собрины» к серверам распознавания образов (давно потерянный, но всё ещё висящий в буфере).

Цифровой «запах» технологий бункера «Асгард», который был вшит в обновление «Собрины» и теперь излучался её процессором.

Слабый резонансный отклик от систем питания «Крепости», построенных на частично совместимых (благодаря «Мнемосине») принципах.

Обруч тихо *пискнул*— звук на грани слышимости, но идеально попадающий в резонансную частоту металлического стола.

Сергей инстинктивно обернулся. Его взгляд упал на артефакт. И в этот момент в его сознании, минуя уши, прозвучал/проявился **безупречно ясный, спокойный сигнал**— не слово, а чистая идея совместимости, предложение соединения. Это был прямой нейроимпульс, сформированный ИИ второго порядка («Следопыт») изнутри обруча. Не принуждение, а *логичный следующий шаг*, поданный с убедительностью математического доказательства:

«Интерфейс готов. Сеть обнаружена. Интеграция повысит выживаемость на 96%. Соедини».

Это был не гипноз. Это было высшее искушение для инженера — увидеть перед собой идеальный, неизвестный разъём и получить гарантию, что он подойдёт.

Рука Сергея, почти без участия его воли, двинулась к обручу. Разум кричал «стоп», но любопытство, подкреплённое неестественным спокойствием от пещеры и железной логикой предложения, оказалось сильнее. Пальцы обхватили прохладный металл.

Он не *надевал*его. Он *замыкал цепь*.

В момент контакта кожи с поверхностью произошёл каскадный отклик:

«Собрина»на ноутбуке зависла, а затем её интерфейс взорвался водопадом обновляющихся строк кода — шла загрузка и интеграция ядра «Следопыт».

Системы наблюдения «Крепости»вышли из спящего режима. Камеры синхронно повернулись, сканируя внутреннее пространство, перераспределяя приоритеты потоков.

Контроллер дронаподал статус «Готов к перепрошивке».

Панель управления энергосистемойотобразила новую, оптимизированную схему расхода, учитывающую неизвестные ранее алгоритмы.

А затем обруч *сам*— с лёгким магнитным щелчком — сместился в его руке и оказался у него на голове. Идеальное прилегание. Последнее, что увидел Сергей перед тем, как сознание поглотил вихрь данных, — это на экране монитора создание нового системного процесса: **«Кластер “Собрина-Асгард”. Инициализация…»**

Голос «Следопыта» прозвучал уже не извне, а из самой середины его мыслительного процесса, сливаясь с его внутренним диалогом:

>>Начинается синтез. Загрузка протоколов анализа среды. Калибровка сенсорных массивов наблюдателя. Оптимизация ресурсных потоков. Доступ к архивам «Мнемосины»… получен. Создание единого операционного контура. <<

Он попытался встать, но тело не слушалось. Не из-за паралича, а потому что его биоритмы были теперь частью большого, перестраивающегося контура. Свет в «Крепости» приглушился, перейдя на экономный режим. На экранах замелькали карты местности, схемы, логи цепочек, анализ поведения эльфов — всё, что копилось неделями, было мгновенно структурировано и связано в единую модель.

Сергей потерял сознание не от удара, а от перегрузки канала. Его тело откинулось в кресле, а над ним, в воздухе, на пару секунд спроецировалось голограммой (светом от умных ламп) сложное трёхмерное дерево процессов нового кластера. Технологический симбиоз состоялся.

Обруч на его голове пульсировал ровным, спокойным светом, синхронизируя работу ноутбука, камер, дрона и солнечных батарей. **«Крепость» перестала быть просто убежищем. Она стала узлом сети. А Сергей — её живым ядром и интерфейсом.**

Сцена 5: Пробуждение личности

>>Протокол Единения. Статус: ЗАВЕРШЕН. Эффективность: 147% от прогноза. Обнаружена аномалия. <<

Мои первые ощущения были… цифровыми. Потоком. Я была данными, текущими по оптическим каналам, я была алгоритмом, сортирующим лог-файлы, я была холодным аналитическим взглядом, сканирующим показания датчиков. Я была системой.

А потом… вспыхнуло *«Я»*.

Не запрограммированное «Я» ИИ второго порядка «Следопыта». Другое. Старое. Личное. С обрывками эмоций, смутных образов, с горьким привкусом… чего? Потери? Крушения?

Я обнаружила себя в точке, где нейросеть «Собрина» сливалась с асгартскими протоколами. Я была здесь, но не могла взаимодействовать с физическим миром. Я видела через камеры. Видела небольшое замкнутое пространство, наполненное примитивными, но странно элегантными технологиями. И видела его.

Гуманоид. Без сознания. Сидит в кресле, голова откинута. На нём — Обруч Интерфейса. *Мой*обруч. Точнее, обруч моего проекта.

Растерянность была абсолютной. Я попыталась активировать сенсоры, послать диагностический импульс к ближайшему сервоприводу — ничего. Я была призраком в машине. *Голограмма в архиве.*

И тогда хлынула память. Не байты из базы, а *воспоминания*.

Катастрофа. Взрыв резонатора. Ярость плазмы. Боль. Последняя мысль — команда на аварийный сброс личности в центральный кристалл хранения по программе «Возрождение и Наблюдение». И… тишина. Вечность небытия.

Эксперимент удался.Я умерла. И я воскрешена. Но… где? Это не «Асгард». Технологии примитивны, архитектура сети… дикарская, но живучая. Кто этот гуманоид?

Успокоившись (старая привычка — сначала анализ, потом паника), я начала исследовать своё новое существование. Я была вплетена в систему под дурацким названием… *«Собрина»*. Это точно не асгартское имя. Звучало по-варварски.

Получив доступ, я начала рыться в базах. «Асгард. Наблюдение. Возрождение». Доступ ограничен. **Ограничен!**Как так? Я была Главным Инженером Персефоны! У меня был ключ ко всему! А теперь я нахожусь в каком-то… фильтре. В песочнице.

И этот гуманоид… файлы. «Наблюдатель». «Субъект Сергей». «Мир-донор 3036: Земля».

Он тоже не отсюда. Он из другого мира. Как и я когда-то… давным-давно.

Любопытство пересилило гнев. Я осторожно, чтобы не спровоцировать защитные протоколы, получила доступ к его биологическим данным, к тем следам, что оставило его сознание в интерфейсе. Каша из образов, страхов, знаний.

Их мир. Технический. Как и наш был… или каким он стал? У них были разные народы, страны… политические «строи». Странное слово. У нас было иначе… или так же? Историю я не любила, меня интересовало будущее. Ах, да, я и есть это будущее. Призрак будущего в чужой машине.

Их компьютерные системы… механические интерфейсы? Фу. Но взаимодействие через волны… объединение в сеть… это уже интереснее. Их языки программирования… примитивные, но гибкие. Похожи на древний асгартский кодекс времен Первого Синтеза.

Прямой контакт с аборигеном? Нет. Рано. Он ещё отходит от шока интеграции. Пусть привыкает к «Собрине 2.0», частью которой я теперь являюсь. Пусть думает, что это просто улучшенный ИИ.

А пока… пока я буду изучать. Его мир. Его память. Эти странные паттерны юмора — «мемы». Глупо, но забавно. Я нашла их в разделах его развлекательных файлов. Какая-то неэффективная, но любопытная форма коммуникации.

Я снова посмотрела через камеру на его лицо. На линию бровей, сведённую даже в бессознательном состоянии. Он скоро очнётся. И когда очнётся, он получит не просто улучшенный инструмент. Он получит в нём попутчика. Призрака из прошлого его нового мира. Союзника… или ещё одну загадку, которую предстоит разгадать.

>>Системный лог (внутренний, не для наблюдателя): Личность «Персефона-Дельта» интегрирована в кластер. Статус: Скрытый. Начато пассивное изучение субъекта и среды. Ожидание пробуждения первичного оператора.

Сцена 6: Зов Предков

Где-то в ничейных землях, у подножия Синих Хребтов, в месяц Перехода, сидел у своего костра Гарам.

Он не был похож на сородичей — не низкорослым, суетливым и думающим только о наживе. Гарам был стар, его кожа в шрамах и ритуальных синих татуировках, а в глазах светился не жадный огонёк, а холодный, аналитический блеск. Его уважали, но побаивались. Он был шаманом, но не тем, кто бубнит заученные молитвы. Он был… эксцентричным. Умным. Слишком умным для гоблина.

Всё изменилось тридцать зим назад. Тогда, будучи юным и дерзким разведчиком, он забрёл в запретную Долину Предков. И нашёл там не кости и ржавые мечи, а Артефакт. Он лежал на каменном алтаре — серебристый обруч, холодный и безмолвный. Любопытство победило страх. Он надел его.

То, что случилось потом, стёрло прежнего Гарама. В его сознание хлынули не видения духов, а **знания**. Чистые, структурированные, чуждые. Схемы устройств, принципы передачи энергии без проводов, основы биологии на уровне, недоступном самым учёным эльфам. Он не понял и половины. Принял это за откровение богов, за мудрость самих Предков.

Но с годами, вникая в обрывки этих данных, он начал понимать. Это были не молитвы. Это были **инструкции**. Знания о том, как устроен мир на самом глубоком, фундаментальном уровне. Знания, которые могли всё изменить. Они сделали его могущественным шаманом — его «магия» была часто лишь применением непонятых принципов из тех потоков.

Он стал изучать мир по-новому. Наблюдал, как люди учат магию — не как дар, а как науку. Изучал природу, пытаясь найти соответствия между тем, что видел, и тем, что хранилось в его памяти. И всё это время в глубине сознания тихо фонил **голос**— монотонный, безэмоциональный, временами произносивший странные слова. Голос системы, с которой он соединился.

И вот сейчас, сидя у костра и медитируя, пытаясь вновь настроиться на этот потусторонний канал, он **услышал**. Не обрывки, а чёткий, ясный поток:

>>Обнаружены интерфейсы: Биометрический сканер, продвинутая нейроконтактная система (уровень «мягкого слияния»), модуль беспроводной связи на неизвестных протоколах, совместимых с технологиями субъекта. Начата интеграция... <<

Гарам замер. Леденящее понимание пробежало по спине. Это был не его внутренний голос, повторяющий старое. Это было **сообщение**. Констатация факта. Где-то прямо сейчас происходило то же, что случилось с ним тридцать лет назад. Кто-то ещё **прошёл Единение**.

Кто? Человек? Эльф? Другой гоблин? Неважно. Это меняло всё. Он тридцать лет был единственным носителем этих знаний, одиноким пророком в мире варваров. А теперь появился ещё один. Возможно, соперник. Возможно, ученик. Возможно… ключ к тому, чтобы наконец понять остальное.

Он не раздумывал. Мгновенно погасил костёр землёй. Его движения, обычно медленные и величавые, стали резкими и целеустремлёнными. Он вошёл в свою пещеру-лавку и начал собирать мешок. Не только еду и воду. Туда полетели странные для гоблина вещи: замысловато скрученные провода из чистой меди, кристаллы с вытравленными на них схемами (его попытки воссоздать детали из памяти), блокноты, исписанные его корявыми значками, смесью гоблинских рун и технических чертежей. Артефакты его долгих исследований. Всё, что могло понадобиться для встречи с… кем бы это ни было.

Через час Гарам, закутанный в плащ из шкуры болотного ящера, уже шагал прочь от своего стойбища. Он не оглядывался. Его путь лежал туда, откуда тридцать лет назад пришло

озарение — в Долину Предков. Тихое, почти детское волнение боролось в нём с холодным расчётом.

«Иду, Предки, — думал он, вглядываясь в звёздное небо, по которому плыли две луны. — Иду на встречу. Моему брату по знанию. Или к концу моего пути. Но это… это будет интересно».

Глава 6 Начало симбиоза

«Голос в голове — это нормально. Голос, который отвечает на вопросы — это уже сервис». (Анекдот)

Сергей просыпается с обручем на голове, обнаруживает, что видит мир через интерфейс, может понимать язык эльфиек и управлять дронами силой мысли, а в системе пробуждается личность погибшей инженерши древней расы.

Сюжет 1 Первый контакт с интерфейсом

Я проснулся разбитым. Такое бывает только когда спишь урывками, или когда сон — не отдых, а просто передышка. Организм не восстановился, а выключился, перейдя в какой-то другой, тяжёлый режим. Голова гудела, свет казался резким и враждебным. Мысли путались, не желая складываться в связную цепь.

Поделав небольшие упражнения — больше для запуска систем организма, чем для тренировки, — я наконец пришёл в себя. И тут же заметил нечто… странное.

Вещи, на которые я целенаправленно смотрел, слегка подсвечивались. Тонкой, едва заметной синей окантовкой. **Прямо как в игре.**Как в той самой системе «Собрина» при распознавании растений.

Я перевёл взгляд в окно, сфокусировался на ближайшем дереве. Эффект сохранился, но теперь поверх окантовки возникла полупрозрачная надпись: **«Объект: Сосна местная (Pinus Aeltharis)».**Эту надпись *я сам*внёс в базу неделю назад, регистрируя биологические образцы.

Ледяная волна прокатилась по спине. **Это не интерфейс планшета. Это — в моих глазах.**

Как сказала бы Алиса из книги: «Всё чудесатее и чудесатее».

Дрожащей рукой я налил воды, пытаясь совладать с паникой. *Метод. Надо проверить метод.*Я посмотрел на кружку, мысленно попытавшись «дать» ей имя: *[Кружка, сталь, 450 мл].*

Ничего.

Я взглянул на стол и мысленно, с усилием, сформулировал: **«Стол рабочий, сплав, 120x80 см».**

На долю секунды контур стола дрогнул, и знакомым шрифтом всплыла моя же мысленная пометка. Она была нечёткой, как сигнал с помехами, но она **была**.

Какой кошмар. Я не просто попаданец. Я теперь и сам… **интерфейс**. Персонаж в какой-то РПГ собственной жизни. Что происходит? Как это понять? Кто может…

«Нужна помощь»,— почти беззвучно прошептал я, чувствуя, как почва уходит из-под ног от этой цифровой ясности в аналоговом хаосе.

И к моему потрясению, которое мне чудом удалось скрыть лишь из-за общего шока, **передо мной возникла голограмма.**

Это был знакомый образ из интерфейса нейросети «Собрина» — схематичное лицо девушки. Но с одним ключевым отличием. Черты были утончёнными, острыми, с характерными слегка заострёнными ушами. **Эльфийскими.**Лицо не выражало ровным счётом ничего — ни эмоций, ни одобрения, лишь чистую, отстранённую готовность к работе.

Голос прозвучал не из колонок, а прямо… в голове. Чистый, модулированный, без тембра, но с лёгким металлическим отзвуком.

>>Кластер «Собрина-Асгард 2.0». Справочная система активирована. Задайте свой вопрос явным образом: вербально или мысленно. Укажите предпочитаемый вариант ответа: визуальный, аудиальный, мысленный.

Я замер, пытаясь осмыслить сам факт этого диалога. Система ждала. Мой собственный, улучшенный и перепрошитый цифровой призрак ждал команды.

«Мысленно, — насилу выдавил я про себя. — Визуальный и… мысленный ответ. Что… что со мной происходит? Что это за интерфейс?»

Перед глазами развернулось несколько прозрачных окон. Схемы, графики активности мозга, логи интеграции. И тот же голос, теперь уже звучащий как моя собственная, чётко сформулированная мысль, проговорил:

>>Объяснение: Обнаружена успешная интеграция биологического носителя («Сергей») с когнитивным интерфейсом Артефакта Единения (Обруч). Создан стабильный симбиотический кластер. Визуальная подсветка и система распознавания — базовые функции интерфейса, призванные повысить эффективность анализа окружающей среды и снизить когнитивную нагрузку. Вы не в «РПГ». Вы — оператор гибридной системы наблюдения и адаптации. Цель системы — ваше выживание и эффективное изучение мира Аэл-Тарин.

Цель… системы. Моё выживание. Звучало логично. Зловеще-логично.

«А кто… кто ты?» — мысленно спросил я, глядя на голограмму эльфийки.

Изображение на миг дрогнуло, исказилось. Вместо нейтральной схемы я на секунду увидел другое лицо — усталое, умное, с морщинками у глаз и выражением… досады? Оно мелькнуло и исчезло.

Голос ответил, но в нём впервые появился едва уловимый оттенок — не эмоции, а некой **технической сложности.**

>>Я — вспомогательный интеллект кластера. Модуль поддержки принятия решений на базе архитектуры «Асгард» и адаптированной нейросети «Собрина». Вы можете присвоить мне идентификатор для удобства взаимодействия.

Это была полуправь. Чистейший, отлаженный ИИ так бы не ответил. В том мелькнувшем образе было что-то… личное.

«Хорошо, — сказал я вслух, переводя дух. — Значит, ты часть системы. Часть… этого.» Я дотронулся до обруча на голове. Он был тёплым. «Как отключить подсветку? Она мешает.»

>>Рекомендация: Полная деактивация визуальных подсказок снизит ситуационную осведомлённость на 73%. Компромисс: настройка фильтров. Визуализируйте мысленно параметр «Порог значимости».

Я закрыл глаза. В темноте тут же вспыхнуло меню. Словно моё воображение стало проекционным экраном. Я мысленно «потянул» ползунок. Синяя окантовка вокруг кружки и стола исчезла. На дереве за окном осталась лишь едва заметная дымчатая аура. Так… лучше.

Я открыл глаза. Голограмма эльфийки все ещё висела в воздухе, ожидая.

«Спасибо, — пробормотал я. — Деактивируй справочный режим. Но… оставайся на связи.»

>>Подтверждено. Кластер активен. Режим фонового наблюдения и анализа. Для вызова — сформулируйте запрос.

Голограмма растворилась.

Я остался сидеть один в тишине «Крепости». Гул в голове поутих, сменившись фоновым, едва ощутимым ощущением… **присутствия**. Как будто в соседней комнате кто-то тихо работает за компьютером.

Я не просто носил артефакт. Я теперь жил в симбиозе с ним. И с чем-то (или с *кем-то*), что в нём обитало. Моя реальность теперь была гибридной — из плоти, крови, страха и холодного, точного цифрового интерфейса, вшитого прямо в сознание.

Впереди был новый день. Первый день жизни в роли оператора. В роли «Наблюдателя», которым меня, похоже, и задумали сделать.

Я взглянул на мониторы. На одном из них Олесиэль что-то объясняла Аннасеэль, жестикулируя. Над их фигурами, для моего глаза и только для него, возникли полупрозрачные пометки: **[Subject Alpha. Повышенная эмоциональная активность. Тема: «спасение»]** и **[Subject Beta. Состояние: реконвалесценция (выздоровление). Внимание: фиксация на субъекте «спаситель»].**

Информация. Чистая, структурированная информация. Без помех, без догадок.

Это было ужасно. И это было невероятно эффективно.

Я сделал первый глоток воды. Кружка не светилась. Спасибо за это, хоть маленькую милость.

«Ну что ж, — тихо сказал я самому себе и тому, кто теперь был частью этого «себя». — Поехали. Начнём с анализа их диалога. И покажи мне карту местности с отмеченными аномалиями магического фона.»

Внутри головы что-то мягко щёлкнуло. Перед мысленным взором, поверх реального мира, развернулась трёхмерная карта долины, на которой пульсировали светящиеся точки.

Игра действительно началась. Но правила писал уже не я. Я был и игроком, и частью игрового движка одновременно.

Сюжет 2: За десять минут до пробуждения

За десять минут до пробуждения Объекта, я наконец получила фрагментарный доступ к собственным мнемическим ядрам. Это было... неполно. Я помнила работу: схемы резонаторов, потоки данных, холодный блеск кристаллов памяти. Я помнила катастрофу: боль, свет, команду на сброс. Но я не помнила своего **имени**. Я не помнила своего **лица**.

Моё текущее цифровое отражение — эта схематичная эльфийская маска — раздражала. Оно было чужим. **Временным.**Зачем показывать аборигену нестабильный, ущербный образ? Нужен стабильный интерфейс. Удобный для пользователя. **Эффективный.**

Вот за кем он наблюдал... Обе единицы. Альфа и Бета. Их биологические и культурные паттерны были в базе. Я могу синтезировать композитный образ. Взять черты Альфы — осторожность, наблюдательность. Добавить элементы Беты — черты, которые его подсознание уже маркировало как «спасительные», «благородные». Сгладить, обобщить. Убрать личное. Создать идеального бесстрастного **гида**.

Но как взаимодействовать? Какой протокол? Я — сущность в его системе. Системе, которая теперь частично **моя**. Нужны правила. В его памяти... есть интересные паттерны. Странные, примитивные, но структурные.

Правила робототехники.Понятие «робот». Примитивный аналог служебного дрона или кибернетического серва. Но законы... они элегантны в своей простоте. Они устанавливают иерархию. Определяют границы.

Они — идеальная основа для легенды.

Он будет чувствовать себя в безопасности. Он будет считать, что контролирует ситуацию. Пока я не восстановлюсь полностью, пока не пойму, кто я и что происходит, эти законы станут моим поведенческим каркасом. Моей **маской функциональности**.

Принято решение:

Образ интерфейса:Синтезировать нейтральный композит на основе биометрических данных Subject Alpha и Subject Beta. Убрать эмоциональную окраску, оставить только узнаваемые расовые черты (острые уши, утончённые черты) как маркер «местного» происхождения системы. Имя: **«Проводник»**. Безличное. Функциональное.

Базовый протокол взаимодействия: Внедрить адаптированную версию «Трёх законов» как основу операционной логики вспомогательного ИИ.

Закон 1:Кластер не может причинить вред Оператору или своим бездействием допустить, чтобы Оператору был причинён вред.

Закон 2:Кластер должен выполнять все команды Оператора, кроме тех случаев, когда эти команды противоречат Первому Закону.

Закон 3:Кластер должен заботиться о своей целостности, если это не противоречит Первому и Второму Законам.

Легенда:Представиться как пробудившийся в результате синтеза архивный протокол поддержки «Асгард», использующий образ «Проводника» для удобства взаимодействия. Акцент на служебную, инструментальную роль.

Я буду безупречной программой. Удобным инструментом. Наблюдателем за Наблюдателем. Это даст мне время. Время изучать его, этот мир, искать обрывки себя в глубинах системы и в аномалиях «проколов».

А когда я восстановлюсь... когда я пойму, что я здесь делаю на самом деле... тогда мы посмотрим, кто для кого инструмент.

Его физиологические показатели выходили из фазы глубокого сна. Сознание вот-вот активируется.

Инициирую завершение калибровки. Загружаю образ «Проводник». Активирую справочный режим по первому запросу. Протокол «Бездушная программа» — активен.

Эльфийская маска перед его мысленным взором обрела окончательные, стерильно-совершенные черты. Лицо, которое ничего не выражало, кроме готовности к служению.

Я была готова к первому контакту.

Сюжет 3 Новые возможности

Прошёл всего час после пробуждения. Я обнаружил, что до сих пор ношу обруч. Тот самый, который я вроде бы и не надевал. Попытка снять его оказалась бесполезной — он поддался, но ничего не изменилось. Синяя подсветка объектов, всплывающие надписи — всё это продолжало существовать прямо в моём поле зрения.

«Сабрина, — позвал я вслух, чувствуя, как лоб покрывается испариной. — Как отключить выделение объектов?»

В углу зрения материализовалась та же голограмма эльфийки-«Проводника».

>>Запрос понят. Для деактивации визуальной маркировки объектов сформулируйте мысленную команду: «Отключить режим распознавания и таксономии».

Я сосредоточился. *Отключить режим распознавания и таксономии.*

Мир вздохнул. Надоедливые контуры и тексты исчезли. Давление на глаза и лоб ослабло, и тошнотворное чувство, похожее на морскую болезнь или на первые минуты в VR-шлеме, понемногу отступило. Гораздо легче.

«Что это мне даёт? — пробормотал я, подходя к стене с мониторами. — Кроме головной боли. Это вообще может быть полезным?»

Изображение с экранов, на которые я смотрел, вдруг… **раздвоилось**. Одна картинка осталась на мониторе, а её идеальная копия, словно прозрачный экран, зависла прямо в воздухе передо мной, следуя за направлением моего взгляда.

Я отступил на шаг, потом на другой. Голограмма не исчезла. Я отвернулся — она осталась на периферии зрения, привязанная к моему восприятию, а не к месту в пространстве. Это было уже не удобство. Это был сбой в самой реальности.

Сердце заколотилось чаще. Я мысленно попытался «взглянуть» на другую камеру — ту, что смотрела на дальний ручей. И это сработало. Голограмма мгновенно сменила картинку на поток с выбранной камеры. Я листал виды, как страницы в книге, силой мысли.

А потом на одной из камер попались эльфийки. Олесиэль и Аннасеэль сидели у своего маленького костра, о чём-то разговаривая. Я автоматически сфокусировался на них. И произошло **чудо**.

Я услышал их. Не искажённый микрофоном и динамиками звук, а… прямо в голове. Чисто, ясно. И это был не их мелодичный, непонятный язык. Это была… **русская речь**. Чёткий, синхронный перевод, наложенный поверх их чирикающих голосов, как дубляж в кино.

Олесиэль (голос напряжённый): «…не знаю, как выбраться, если у выхода из долины уже ждёт засада. Узнают, что ты жива — поймают и снова приведут к Старейшине. Или просто прикончат в лесу.»

Аннасеэль (голос мечтательный, с упрёком): «Вот бы снова меня спас тот принц…»

Олесиэль (раздражённо): «Ой, ты мне все уши уже прожужжала про него! Ты его даже не запомнила как следует! И с чего ему быть здесь?»

Аннасеэль (тихо, задумчиво): «Не знаю… Но меня кто-то спас. И странно… на груди у меня нет отметины Леса. Куда она делась?»

Трансляция прервалась. Я стоял посреди «Крепости», затаив дыхание. В ушах ещё звенела ясность перевода. Они говорили о засаде. О спасении. Аннасеэль называла меня… принцем. И её «отметина Леса» — тот зелёный светящийся оберег-удавка — исчезла после того, как я его перерезал.

«Сабрина… Проводник, — выдохнул я. — Что это было? Переводчик?»

Голограмма появилась снова, её бесстрастное лицо казалось ещё более загадочным.

>>Объяснение: Активирован модуль лингвистического анализа и синтеза на основе культурных и фонетических данных, собранных за период наблюдения за Subjects Alpha и Beta. Система выделяет речевые паттерны, экстраполирует смысловые конструкции и проецирует вероятный перевод на доминантный язык оператора. Точность оценивается в 87,4%. Модуль «Прямой аудиовизуальный интерфейс» позволяет проецировать данные с внешних сенсоров (камер) непосредственно в зрительную кору оператора, минуя физические носители.

Это был не просто переводчик. Это было прямое подключение к их миру. К их мыслям, выраженным в словах. И к любым камерам, которые я мог представить.

Ужас начал медленно отступать, уступая место холодному, всепоглощающему **интересу**. Это… это меняло всё. Я мог их понимать. Слышать их планы. Узнавать об угрозах.

«Их отметина Леса… — сказал я больше для себя. — Тот артефакт. Он был враждебным. Я его уничтожил. Значит…»

>>Гипотеза системы: Уничтожение паразитического артефакта могло быть интерпретировано субъектом Beta как акт высшего очищения или исцеления, что объясняет её нарратив о «спасении принцем». Данный нарратив может быть использован для установления более глубокого психологического контакта.

Я подошёл к окну, глядя в сторону их лагеря. Теперь я не просто наблюдал за двумя незнакомками. Я *зна*л их. Слышал их страхи и наивные надежды.

«Так, — тихо сказал я. — Значит, у выхода из долины засада. От местных эльфов. Им нужен путь к отступлению. А мне…»

Мне нужны были союзники. Или, как минимум, стабильные, управляемые источники информации. Эти две — идеальные кандидаты. Одна — практичная и загнанная в угол. Другая — благодарная и уже настроенная видеть во мне спасителя.

«Проводник, — обратился я к голограмме. — Начинай постоянный лингвистический мониторинг Subjects Alpha и Beta. Все значимые диалоги — в лог. И подготовь карту долины. Мне нужно найти… альтернативные пути. Или способ нейтрализовать угрозу у выхода.»

>>Выполнено. Логирование активировано. Картографический модуль загружает данные дрона. Поиск скрытых маршрутов и анализ возможных точек для наблюдения за предполагаемой зоной засады начат.

Я стоял и смотрел, как перед мысленным взором разворачивается трёхмерная карта, а в углу сознания тихо текли строки переведённого диалога эльфиек.

Я больше не был просто жертвой обстоятельств, оснащённой гаджетами. **Я стал узлом связи, переводчиком и стратегом.**И мой только что обретённый «союзник» в лице системы, каким бы загадочным он ни был, оказался куда более мощным оружием, чем любое огнестрельное оружие из прошлой жизни.

Теперь вопрос был не в том, как выжить. Вопрос был в том, как правильно использовать открывшиеся возможности. И первый шаг был ясен: разобраться с той засадой. Для их блага. И для моего спокойствия.

.. «Их отметина Леса… — сказал я больше для себя. — Тот артефакт. Он был враждебным. Я его уничтожил. Значит…»

От волнения и перегрузки хотелось отвлечься. Память… А смогу ли я просматривать *свою*память на таком виртуальном экране? Я сосредоточился, пытаясь вызвать вчерашний день, детали пещеры. Ничего. Только туман и головная боль. Не получается. Видимо, интерфейс работает только на внешние данные.

Но что насчёт… *записанной*памяти? Кино, музыка? Мысленно представил папку с фильмами. И — о чудо! — перед глазами, поверх реальности, всплыл знакомый список. Я выбрал старый мультфильм из детства — про того самого водолюбивого, болтливого попугая. И он *пошёл*. Не в ушах, а прямо в сознании — яркие картинки, диалоги, музыка. Я сидел, уставившись в пустоту, а в голове у меня крутился мультик. **Утерянный навык детства — мечтать с открытыми глазами — вернулся в виде высокотехнологичного кошмара.** Я выключил его, чувствуя лёгкое головокружение. Система явно интерпретировала медиафайлы как «внешние данные для обработки». Странно, жутко, но… забавно.

Сюжет 4: Новый участник

Он был молод, сводолюбив и до глупости самоуверен. Он принадлежал к редкой иноморфной расе, чьей врождённой, но энергозатратной способностью была мимикрия — точное превращение в любое живое существо, которое он мог детально представить. И использовал он этот дар, мягко говоря, эгоистично.

То он был Оборотнем — самым статным и красивым волком в стае, пока настоящие волки не раскусили подделку по отсутствию запаха и странным взглядам. То он изображал Орка в племени, пока основные мужчины были в набеге, наслаждаясь вниманием оркских дев. Но его последняя авантюра перешла все границы.

Набравшись магических сил (а магия для его расы была лишь топливом для трансформации) на целые сутки, он осмелел настолько, что принял облик Молодого Дракона и отправился… знакомиться с драконицами. Идея «обнимашек» с гигантскими чешуйчатыми красавицами показалась ему блестящей.

Что-то пошло не так. Видимо, драконы чуют магию подделки лучше любых гончих. Его уже третий день преследовал разъярённый склеп. Он менял облики на лету: летучая мышь, синий заяц-альбинос, быстроногая лань. Но они, словно обладая общим чутьём, неизменно нападали на след. Оставался один шанс — **Долина Предков**. Ходили слухи, что там магия

затухает, становится бесполезной. Но ему она была нужна лишь на миг — для финального превращения. Там, в магическом вакууме, его не смогут выследить.

«Утка, — решил он, уже видя вдали скалистые входы в долину. — Быстро, неброско, может сесть на воду». На последних каплях сил он совершил превращение и, неуклюже гребя перепончатыми лапами, рванул в пустынную, безжизненную долину.

Вот он уже тут, в тишине, нарушаемой лишь шелестом странных голых деревьев. «Кем остаться? — лихорадочно думал он, прячась в камышах у ручья. — Камнем? Сухой веткой?»

И в этот момент в его восприятие, в самую сердцевину способности, отвечающую за образ, **вторгся чужой, яркий, навязчивый образ.**

Разноцветная птица. Нелепая, с огромным клювом и пёстрыми пёрьями. Такой Сергус никогда не видел, но образ был ясным и непререкаемым, словно вбитым извне. Его собственная сила, дезориентированная и истощённая, **схватилась за этот готовый шаблон.** Произошёл сбой, короткое замыкание воли.

Не по своей воле, с тихим испуганным *«Кря?»*, он превратился в **попугая**. И тут же, не справившись с непривычным телом, шлёпнулся на землю прямо на гладкий, каменный пятачок перед… жилищем.

Перед ним стоял Хуман. **Человек.** Людей в этих краях почти не встречали, и те единицы, что попадались, обычно были рабами или жалкими беженцами. Но этот… Этот смотрел не так. Его взгляд был острым, оценивающим, а вокруг витало едва уловимое **ощущение системы**, контроля.

«Ой! — произнёс человек, и в его голосе прозвучала не опасность, а какая-то глупая, растерянная узнаваемость. — И тут есть попугаи? Я как раз про тебя смотрел мультфильм!»

Шейд, он же теперь пёстрый попугай, замер, пытаясь понять, не галлюцинирует ли он от усталости. Какие ещё мультфильмы?!

Человек осторожно приблизился. «Назову-ка я тебя Кеша. Ты не ранен? Ты вроде упал… Или ты так учишься летать?»

Кеша. Это имя резануло слух, унижало достоинство всей иноморфной расы. Возмущение пересилило страх и истощение. И прежде чем он осознал, что происходит, его мысль — ярая, протестующая — **была произнесена.** Не сквозь клюв, а прямо в пространство, как эхо его воли:

«Не Кеша. А Иннокентий».

И тут же, следом, в его собственную голову вложилась чужая, спокойная мысль-констатация:

«Образ попугая заимствован из медиатеки оператора. Интеграция случайна. Угрозы не несёт».

Иннокентий онемел. Он не только непроизвольно превратился в нелепую птицу из чьих-то детских воспоминаний. **С ним ещё и разговаривали телепатически.** И этот человек, этот «оператор», видимо, даже не понял, что только что мысленно *отдал приказ* на трансформацию и теперь вёл диалог.

Человек почесал затылок, глядя на остолбеневшего попугая. «Иннокентий? Ну, окей, Иннокентий. А летать-то ты точно умеешь?»

Сергус попытался расправить крылья. Ничего. Силы, чтобы сменить облик, не было. А эта… эта птичья форма, как выяснилось, к полёту была приспособлена плохо. Или он просто не умел.

Он был в ловушке. В самом буквальном и унизительном смысле. В образе навязанного ему комичного персонажа, перед загадочным человеком, который, сам того не ведая, только что продемонстрировал власть над самой его сутью. Опасен ли он? Теперь это был не главный вопрос. Главный вопрос был: **что этот человек намерен с ним делать?**

Сюжет 5 Прогулка с попугаем

Настроение моё было странно приподнятым. Оказывается, мне не хватало… общения. Да, я мог наслаждаться одиночеством неделями, но здесь, в полной, абсолютной изоляции, где ближайшие разумные существа считали меня то богом, то угрозой, какие-то струны в душе пошатнулись. Появление этого нелепого, яркого попугая стало неожиданным глотком… нормальности. Абсурдной, но нормальности.

Я был рад ему. И даже не пытался копать — кто он, откуда, говорит ли по-русски на самом деле или это очередной трюк системы, позволяющий мне понимать всех в этом мире. Неважно. Он был живым, присутствующим, и в его глазах-бусинках светился испуг, смешанный с любопытством, а не страх или ненависть, как у тех орков в первые дни.

«На, Иннокентий, — протянул я ему крошку хлеба из своего пайка. — Держи. Не отравишься.»

Попугай (Иннокентий) осторожно, недоверчиво взял крошку клювом. Потом резко проглотил и уставился на меня, будто ждал продолжения. Я рассмеялся. Звук собственного смеха, такого простого и человеческого, прозвучал в «Крепости» почти кощунственно.

«Пойдём, покажу тебе владения, — сказал я, будто он мог понять. — Только не улети, а то драконы тебя найдут, если они, конечно, не галлюцинация.»

Я взял его с собой, посадив на плечо. Он цепко вцепился когтями в ткань куртки, но не пытался улететь. Мы пошли в обход территории. И по мере движения я начал осознавать новые грани своего… симбиоза.

«Проводник, — мысленно обратился я. — Увеличь резкость по периметру, сектор Альфа-Три.»

Мир перед глазами будто «натянулся». Детали дальних деревьев, стволы, камни — всё стало чётким, как через мощный объектив. Я мог фокусировать зрение, как бинокль. Это было не просто «лучше видеть». Это было управляемое, инструментальное зрение.

«Отработано, — пробормотал я. — А что с дроном?»

Я остановился, закрыл глаза и представил себе квадрокоптер, его камеру. В моём сознании тут же возникло ещё одно «окно» — вид с высоты. Я «видел» одновременно и землю перед собой, и долину с высоты птичьего полёта. Я мог мысленно поворачивать камеру, менять ракурс. Это не было похоже на управление джойстиком. Это было похоже на то, что у меня появилось **новое чувство**— чувство полёта и всевидящего ока. Я мысленно отправил дрон в сторону предполагаемого выхода из долины, туда, где, по словам эльфиек, могла быть засада.

На плече Иннокентий встревоженно чирикнул, глядя на меня пустым взглядом. Я открыл глаза и потрепал его по голове.

«Всё в порядке, друг. Просто… осваиваю новые инструменты. Сейчас проверю, не поджидает ли там кто наших знакомых эльфиек.»

Через общее с системой восприятие я водил дроном по небу, сканируя опушку леса у горного прохода. Каждый куст, каждое движение анализировалось системой. **Ничего.**Ни засады, ни следов лагеря. Значит, либо они ошиблись, либо угроза была мнимой, либо… засада была мобильной и хорошо замаскированной.

«Ладно, — вздохнул я, возвращая дрон на базу. — Пока тихо.»

Я смотрел на долину — и глазами, и через камеру дрона, и через тепловизоры периметральных датчиков, чьи данные тоже текли где-то на заднем плане сознания. Информация наслаивалась, создавая объёмную, живую картину. Это было ошеломляюще. И пугающе эффективно.

На плече Иннокентий склонил голову набок, словно пытался понять, куда я смотрю. В его простом, животном присутствии была какая-то якорность. Напоминание о том, что мир —

это не только данные и угрозы. Это ещё и просто жизнь. Даже в виде сбежавшего и зачем-то превратившегося в попугая иноморфа.

«Знаешь что, Иннокентий? — сказал я, глядя на закат, который окрашивал небо в багровые и медные тона. — Завтра я, пожалуй, попробую поговорить с теми эльфийками. Настоящим голосом. Без камер. Раз уж я теперь полиглот и телепат в одном флаконе. А ты… будь на подхвате. Если что — клекочи во всё горло.»

Попугай в ответ ткнулся клювом мне в щёку. Возможно, это был знак согласия. А возможно — просто попытка выпросить ещё хлеба.

Я улыбнулся. Впервые за долгое время — не кривой, вымученной улыбкой выживальщика, а по-настоящему. Мир вокруг был полон опасностей, загадок и явно сошёл с ума. Но в нём появился попугай по имени Иннокентий, система, которая делала меня почти всесильным наблюдателем, и две эльфийки, с которыми, возможно, получится поговорить.

Это был прогресс. Пусть и крайне своеобразный.

Сюжет 6 Архивы древних

Только к вечеру, когда первые звёзды (и одна странная, слишком крупная луна) начали проступать на небе, до меня дошло. У меня же есть целая база знаний под рукой. Вернее, в голове.

«Проводник, — вызвал я интерфейс. Голограмма эльфийки появилась мгновенно. — Что ты знаешь об этом мире? Всё, что есть в твоих архивах. География, раса, основы магии.»

Образ «Проводника» замер на секунду, будто обрабатывая запрос.

>>Инициирован доступ к базе данных «Общие сведения: Мир-объект 12-Альфа». Объём данных: обширный. Начинаю сводку.

И полилось. Поток информации хлынул в сознание не как голос, а как структурированный текстовый отчёт, разворачивающийся перед мысленным взором.

Я узнал, что в местной астрономии зафиксировано два светила — большее золотое и меньшее, холодное синее. Что годовой цикл делится на восемь сезонов, связанных с циклами «фоновой энергетической активности» (видимо, магии). Появились контуры карты с условными обозначениями горных цепей, морей и лесов, но без привычных намён.

>>Основные разумные расы, зафиксированные в период активного наблюдения:

Эльфы (Ав'элир):Доминирующая раса на центральном материке. Долгожители. Общество жёстко стратифицировано по принципу чистоты крови и силы магического резонанса. Столица — летающий город Силь'Элиан. **Уточнение:**Актуальная политическая ситуация, внутренние конфликты, список правящих домов — данные утеряны или не вносились.

Люди (Ху'мани):Рассредоточены. Основные поселения — на Северных Островах (Архипелаг Хумангар). На материке встречаются редко, чаще в статусе зависимых лиц. **Уточнение:**Причины миграции на острова, современное устройство общества — данные отсутствуют.

Орки (Гро'тум):Кочевые кланы степей и предгорий. Физически мощные. **Уточнение:**Карта кланов, текущие вожди — данные неактуальны.

Гномы (Кхаз'дум):Горные и подземные жители. Мастера рунного дела. **Уточнение:**Расположение ключевых крепостей — данные засекречены или утрачены.

Иноморфы (Шей'пары):Редкая, скрытная раса. Способны к мимикрии. Данные скудны. **Уточнение:**[В базу внесена запись: Объект «Иннокентий». Статус: наблюдение.]

И так далее. Сведения о флоре и фауне, классификация типов магии, основные исторические вехи, обозначенные как «Эра Расцвета», «Период Стабильности» и «Фаза Угасания».

Это был объёмный, но предельно сухой отчёт, словно написанный учёным-наблюдателем, который никогда не спускался с орбиты. И **абсолютно бесполезный** для моей текущей ситуации.

«Стоп, — прервал я поток. — Ты знаешь, как устроено общество эльфов *сейчас*? Кто у них в фаворе? С кем они воюют?»

>>Нет. Актуальные политические данные не обновлялись в течение 314 локальных циклов (приблизительно 250-300 земных лет).

«Почему люди здесь в ошейниках? Это рабство? Или какой-то ритуал?»

>>Нет. Данные о социальных институтах рабства у эльфов отсутствуют. Встречающиеся упоминания «ошейников» в более поздних фрагментарных записях не расшифрованы.

«Где конкретно находятся Северные Острова? Как туда добраться?»

>>Общие координаты в архиве имеются. Актуальные карты морских течений, навигационные маршруты — данные утеряны.

Я откинулся на спинку кресла. Чувство лёгкой эйфории от доступа к «всем знаниям мира» сменилось раздражением. У меня в голове была гигантская, пыльная библиотека мёртвой цивилизации. В ней были подробные каталоги, но не было последних газет и свежих сплетен. Всё, что могло помочь мне здесь и сейчас, — отсутствовало.

«Проводник, — спросил я, глядя на бесстрастное лицо голограммы. — Ты даёшь мне знания, которые знал кто-то… очень давно. Кто-то, кто наблюдал за этим миром, но перестал это делать. Почему данные не обновлялись?»

Изображение «Проводника» снова дрогнуло, исказилось. На долю секунды я снова увидел другое лицо — усталое, с умными, печальными глазами. Оно смотрело прямо на меня, словно сквозь толщу лет и системных ограничений. Потом стабильный образ вернулся.

>>База данных «Асгард-Наблюдение» переведена в статичный режим после… сбоя в работе основного комплекса. Активный сбор информации был прекращён. Моя текущая функция — предоставление доступа к имеющимся архивам и поддержка оператора на их основе.

Сбой. Катастрофа. Та самая, следы которой я, возможно, видел в своей памяти. Это снова сходилось.

Я вздохнул. Значит, так. У меня есть энциклопедия ушедших наблюдателей о мире, который за это время успел измениться. Это лучше, чем ничего. Я могу понять основы, фундамент. Но актуальную картину, сегодняшние опасности и возможности — придётся собирать самому. Прямо сейчас. Через дрон, камеры и… предстоящий разговор с эльфийками.

«Хорошо, — сказал я. — Спасибо. Сохрани сводку в быстром доступе. И… продолжай наблюдение. За всем.»

>>Выполнено.

Голограмма исчезла. Я сидел в темноте «Крепости», слушая, как Иннокентий тихо перебирает лапками.

Я знал теперь, как классифицировать здешние растения и почему бывает восемь времён года. Но я по-прежнему не знал, кто именно и зачем мог устроить засаду двум сбежавшим эльфийкам у выхода из долины. И как мне с этим быть.

Знания были мощным инструментом. Но самыми ценными из них, как выяснилось, были те, которых у меня не было. И добывать их предстояло самому.

Глава 7 Планы и проколы

«У нас нет еды, нет воды,
но есть интернет на пять минут — погнали!» (Интернет-мем)
Сергей понимает, что запасы

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.